

Виталий Романов

СМЕРТЬ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Виталий Романов

Смерть особого назначения

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=264352

Виталий Романов Смерть особого назначения: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-36089-5

Аннотация

Пришедшие из темных глубин космоса фрины потерпели поражение в первой галактической войне с человечеством. Однако во второй раз они более тщательно подготовились к тому, чтобы стать единственными владыками Вселенной. На планете Саванг, форпосте земной обороны, десант чужаков захватил батарею «Вулканов», самых грозных орудий в арсенале людей, и на беспомощные планеты обрушились огненные молнии захватчиков. Борьба с фринами оказалась почти невозможной – загадочное излучение заставляет слепнуть и глухнуть земные звездолеты. Теперь спасение человечества зависит от успеха миссии спецназовцев, заброшенных на Саванг, и от крохотного корабля-разведчика, отправившегося на поиски таинственной «глушилки» навстречу огромному флоту свирепой расы агрессоров...

Содержание

Виталий Романов

4

Конец ознакомительного фрагмента.

95

Виталий Романов

Смерть особого назначения

Легкий безмоторный планер бесшумно скользнул над головами, и один из фринов поднял голову, проводил ночную «птицу» недобрым взглядом. Двое других диверсантов даже не посмотрели вверх, они продолжали внимательно наблюдать за освещенным «островком» – тем местом, куда необходимо было проникнуть группе спецназа.

В стане людей не возникло ни суеты, ни какого-то аномального движения. Не прозвучал сигнал тревоги, хотя последний из планеров чуть не испортил все дело. Трое суток по земному времяисчислению диверсионный отряд фринов накапливал силы на Саванге, готовясь атаковать хорошо обустроенный военный гарнизон неприятеля. Что и говорить, люди знали толк в войнах, у них многому можно было научиться.

Собственно, фрины и делали это, прилежно и старательно, с тех пор как потерпели первое и весьма болезненное поражение в открытой схватке двух звездных флотов. Однако человечеству тоже не мешало бы кое-чему поучиться у фринов. Например, уверенности в собственных силах. Умению стойко переносить удары, восставать из небытия, чтобы отомстить обидчику.

Диверсионная группа «Призрак» хорошо усвоила уроки, преподанные армиями и спецназом противника. За несколько лет фрины постарались перенять все лучшее, что смогла за долгие столетия накопить военная наука земной цивилизации, и теперь настало время рассчитаться с врагом за прошлые неудачи.

Вот только последний планер чуть не испортил все дело. В штабе старательно разработали операцию, казалось, просчитали и отточили каждую мелочь, так что любой солдат диверсионного отряда мог посреди ночи, поднятый по тревоге, изложить свой маневр.

Мелочи решают все: с этой истиной фрины не раз сталкивались в людских мемуарах о спецназе, но сейчас убедились в ней на собственном опыте. Трое суток они накапливали силы на границе человеческого гарнизона на Саванге – на малом корабле незаметно подкрались к планете, а потом десантировались в гигантское болото по одному, используя малошумящие безмоторные планеры, так чтобы не насторожить врага. И вот, когда все было почти готово к началу операции, последний из спецназовцев чуть не подставил отряд: не разобрался в карте местности... или просто не смог правильно сманеврировать... но его большекрылая «птица» пронеслась в опасной близости от гарнизона людей, сиявшего во тьме яркими электрическими огнями.

К счастью, враги даже не предполагали, что неподалеку от их островка благополучия, на окраине гнилого болота, на-

капливается смерть, которая вскоре отыщет слабое место в обороне и вползет на территорию военного городка. Вползет, утопит в кровавой жиже и казармы, и радары дальнего обнаружения, и батареи кинетических орудий «Вулкан-16». Те самые батареи, ради которых верховный штаб фринов замыслил диверсионную операцию – в лучших традициях людского спецназа.

...Негромко чавкнула жижа, зашипели пузырьки, тонкой струйкой поднимаясь со дна неглубокой грязевой лужи: спецназовец с последнего планера безмятежным островом, залитым светом ярких прожекторов.

– Вы приказали явиться, командир?

– Будешь наказан за ошибку, – обернувшись в сторону проштрафившегося пилота, тихо произнес лидер спецгруппы.

«Если останешься жив», – мог бы добавить он. Но не добавил. Это и так было ясно каждому. Сколько бы они ни отработывали на полигоне захват батарей, доводя все до автоматизма, любой, даже самый малоопытный боец понимал, что без жертв в такой операции не обойдется.

– Да. Разрешите занять место, командир?

Лидер отряда спецназа еще раз посмотрел на провинившегося подчиненного, чуть не сорвавшего операцию по захвату новейших кинетических орудий врага.

– В последний ряд.

Это было худшее наказание из всех. Более явно и недву-

смысленно выразить презрение к неловкому бойцу просто невозможно. Лучшие идут в первой группе, это известно каждому.

Огромные неподвижные глаза провинившегося фрина как-то странно блеснули, бледно-зеленая кожа потемнела. Однако солдат не сказал ни слова, безропотно выполнил приказ – исчез где-то позади группы, во тьме.

...Если бы в ту ночь кто-нибудь из людей выбрался погулять за территорию лагеря, оцепленного колючей проволокой, и добрел до края огромного болота, раскинувшегося позади отвоеванного у Саванга кусочка сухого пространства, то, возможно, такой гуляка умер бы не от оружия фринов, а от инфаркта. Ему стоило только увидеть одного из чужих солдат – зеленокожего, измазанного грязью гнилой топи, с непропорционально большим безволосым черепом, с огромными неподвижными глазами.

От подобного зрелища даже человек с крепкими нервами мог двинуться рассудком, не то что какая-нибудь впечатлительная особа. Все-таки в чужаках было что-то жутко неестественное по людским меркам. Неестественное и пугающее. Может, даже не в облике, а идущее изнутри. Некие внутренние волны – пси-поля, которые совершенно отличались от человеческих и от тех, что присущи дроглам.

В первой войне людей и фринов, происходившей около десяти лет назад, схлестнулись два звездных флота, но тогда людям почти не довелось повстречаться с чужаками лицом

к лицу – главные боевые действия развернулись в космосе. Незванным гостям не позволили выбросить десант на обитаемые планеты, фринов просто разгромили на подступах к колониям и прогнали далеко за пределы освоенного человечеством пространства. Лишь немногие из людей видели фринов близко – в отличие от дроглов, которых теперь можно повстречать чуть ли не на каждой обитаемой планете.

К дроглам, вставшим на сторону людей, тоже привыкли не сразу. Мало того, что взрослые гномы ростом не превышали одного метра и выходцам из Солнечной системы все время казалось, будто они общаются с детьми, так еще поначалу в диковинку были и трехпалость чужих, и абсолютно голые «кожаные» черепа, без малейших признаков растительности. Но все же к дроглам люди притерлись довольно спокойно, возможно, потому, что от коротышек исходили исключительно положительные пси-волны.

Гномы при каждом удобном случае стремились подчеркнуть, что не являются противниками людей, с более мощной технической цивилизацией враждовать не собираются и, кроме того, ждут помощи в борьбе с фринами, которые пару-тройку десятилетий назад уже принесли немало горя на планеты «кожаных малышей».

Так или иначе, но люди не чувствовали никакой опасности со стороны дроглов, как взрослый не чувствует угрозы со стороны детей, играющих в песочнице или начертивших «классы» на асфальте.

А вот фрины, в отличие от дроглов, приводили людей в ужас как жутким внешним видом, так и мрачной тяжелой энергией, которую излучал любой из представителей этой расы. Те, кто сталкивался с чужаками вплотную, лицом к лицу, потом суеверно крестились и рассказывали, что, увидав такую «зелено-трупную поганку», хочется вопить от страха, удирать прочь со всех ног...

Но, увы, никто из солдат гарнизона не вышел в ту ночь к окраине гигантского гнилого болота, в котором, по мнению дроглов, скрывались живые разумные существа – представители какой-то сверхдревней цивилизации, начавшей агонизировать еще до того, как стала закатываться звезда «кожаных» гномов.

Никто не вышел на окраину болота, и поэтому спецназ фринов растянулся вдоль колючей проволоки, старательно проверяя контрольную линию охраны. В своих военных лабораториях фрины хорошо разобрались с тем, как работают тепловые сканеры, как включаются детекторы движения. Спецназовцы, готовившиеся штурмовать гарнизон, могли справиться с любой техногенной системой врага, опасность представляли только живые существа, которые отличаются непредсказуемостью, а потому способны поднять тревогу в любой момент.

Поднять тревогу. Такое, конечно, не изменит финал операции: все в лагере погибнут. Но ведь спецназ долго и старательно готовился к захвату военного гарнизона вовсе не

ради того, чтобы перебить сотню-другую врагов.

«Вулкан-16» – новейшие кинетические орудия людей, создающие мощные метеоритные облака на пути вражеских кораблей, – вот главная задача спецгруппы Мадэна! Орудия, истинные возможности которых еще не до конца ясны фринам, орудия, использующие принцип электромагнитного разгона снарядов и способные поражать движущиеся цели в космосе. Было необходимо установить контроль хотя бы над одной такой установкой, транспортировать ученых на Саванг, чтобы они сумели разобраться в передовых системах чужого вооружения. Нашли противоядие, точно так же, как были найдены способы борьбы с лазерами, с ядерными ракетами и торпедами противника, управляемыми компьютерными навигаторами или по радио. Любое оружие, созданное человечеством, несовершенно, надо только нащупать в нем уязвимые места.

Все было отлично подготовлено ко второй галактической войне. Самонаводящиеся ядерные ракеты и торпеды больше не опасны: их компьютерные мозги легко выжигаются сверхмощными электромагнитными импульсами, после чего системы захвата объекта теряют разум, а «стальные осы» мечутся в пространстве, готовые поразить даже своих. С ракетами, управляемыми по радио, бороться ненамного сложнее – полигонные тесты новейшей установки радиоэлектронных помех внушают уверенность в том, что при следующей схватке люди окажутся слепы и глухи, их радары выйдут из

строая еще до начала боеконтакта.

Но на вооружение пограничных планет поступили кинетические орудия, и это перечеркивало все усилия фринов в тот исторический момент, когда их ударный боевой флот сосредоточился в туманности Угольный Мешок, на границе освоенного человечеством пространства...

Одна из таких батарей – под носом у Мадэна.

Командир группы спецназа отбросил неприятные мысли, сосредоточился на главном, еще раз оглядел лагерь за колючей проволокой. Да, он все правильно просчитал, здесь самое уязвимое место. Дроглов не видно, часовой на этом кусочке пространства только один, словно люди меньше всего ждут атаки со стороны огромного гнилого болота. Надеются, что враг придет по суше? Глупцы. Самоуверенные болваны. Единственный часовой, и тот еле переставляет ноги, дремлет на ходу.

Командир группы поднял вверх указательный палец, отдавая команду ликвидатору. Тот мгновенно выдвинулся вперед, уложил на кочку арбалет – бесшумное устройство, позаимствованное у людей. Фрины не хотели на первом этапе операции использовать собственное оружие, метавшее молнии. Оно, конечно, уничтожило бы врага надежнее и быстрее, но могло демаскировать готовившийся к атаке спецназ.

Зачем рисковать? В арсенале человечества множество отработанных способов борьбы с часовыми, только изучай и выбирай лучший.

Фрины долго колебались, анализируя варианты с бесшумной винтовкой и арбалетом. Пулю ядом не покроешь, поэтому выбрали арбалет, только снабдили его двойным лазеро-оптическим прицелом, а стальные стрелы покрыли веществом, парализующим дыхание человека... Мадэн вспомнил, как в секретной лаборатории проверяли десятки ядовитых соединений, изучая, какое из них быстрее и надежнее убивает представителей вражеской расы. Ради этих тестов корабли фринов незаметно вторгались во владения противника – с риском для жизни спецгрупп и экипажей. Взятый в плен «материал» доставлялся в лабораторию на Моранво, где ученые тщательно исследовали метаболизм людей.

Мадэн криво ощерился, припоминая, сколько длинных стальных игл пришлось ввести в тело седовласого инструктора, чтобы сломить волю человека, чтобы враг научил лучших бойцов группы «Призрак» тонкостям стрельбы из арбалета...

К войне готовились долго, кропотливо прорабатывая каждую мелочь, учитывая негативный опыт первой схватки. Десять лет по времениисчислению землян вся цивилизация фринов была одержима только одной мыслью: поквитаться. Отомстить. Поставить выскочек на место. Уничтожить их до последней особи, чтобы господство фринов во вселенной больше не оспаривалось, не подвергалось сомнению.

И вот настало время все расставить по местам.

Отравленная стрела вонзилась точно в горло часовому –

так, как отрабатывали на полигоне Моранво. Тогда провели три или четыре сотни опытов, чтобы получить верный ответ: люди теряли способность кричать и контролировать свое поведение, когда стрела перебивала им позвоночник в районе горла. Как показало сканирование, именно там проходят все нервные магистрали, связывающие тело с головным мозгом. Тяжелая металлическая стрела, перешибая кость в нужной зоне, разрывала командные связи, лишала жертву возможности к сопротивлению. Во время многочисленных тестов на полигоне это выяснили абсолютно точно. Именно тогда снайперы начали отрабатывать выстрел из арбалета в горло как лучшее средство нейтрализации часового.

Теперь все прошло без неожиданностей. Вражеский солдат не вскрикнул, не успел подать какой-либо знак. И уже не имело значения, произошло это потому, что был перебит позвоночник, или потому, что подействовал сильный яд, от которого у жертвы свело судорогой мышцы.

Дежурство по штабу тянулось невыносимо медленно и тоскливо. Старший лейтенант Мезенцев терпеть не мог такие наряды, предпочитал тащить вахты где-нибудь в стороне от начальства. Как говорится, чем дальше от командования, тем спокойнее живешь – эту истину знает любой опытный офицер. Начальство хлебом не корми, только дай устроить внеочередную проверку, а потом, докопавшись до какой-нибудь мелочи, радостно вздрючить всех, кто подвернулся под

руку.

Нет, правильный наряд – это наряд на приличном удалении от штаба. Жаль, в этот раз не удалось отвертеться, теперь вот приходится томиться, дожидаясь восьми утра, когда произойдет смена. Единственное, что немного согрело душу, – факт, что в медчасти дежурит Мариночка Ведищева, очень симпатичная голубоглазая кукла-блондиночка, равнодушная к вниманию Мезенцева.

Старший лейтенант так и называл ее – Мариночка, – делая исключения лишь в тех случаях, когда рядом находился командир гарнизона Саванга. Или начальник штаба. Или какой-нибудь вышестоящий офицер из управления флота.

Помянув главный штаб, старший лейтенант Мезенцев суеверно перекрестился, дабы не накликать беду. Сразу вспомнился командующий пятым флотом адмирал Борисов, о котором во всех бригадах сектора слагались легенды. Этот, с позволения сказать, умник мог довести до истерики любого нормального офицера. Слава богу, планет с ракетными батареями у флота в избытке, равно как и частей ПВО, не говоря уже о линейных кораблях и крейсерах, каждый из которых, вне всяких сомнений, требовал постоянного внимания Борисова.

Его любимые фразочки: «Любой командир корабля только тогда заслуживает уважения, когда сумеет сделать жизнь подчиненных невыносимой», «Сегодня – суббота, завтра – воскресенье, чертовски хочется поработать», «Непуганный

боец предрасположен к безобразиям, это – потенциальный преступник, будущий убийца и насильник» – передавались из уст в уста, но со смехом их могли произносить лишь те, кто ни разу не попадал под тяжелую руку адмирала.

Начальнику гарнизона Саванга частенько доводилось переживать оглушительные «раздраи» во время проверок Борисова. Старший лейтенант Мезенцев даже краем уха слышал о том, что в былые годы генерал-майор Левенко дважды подавал жалобы на командующего флотом, мол, этот человек постоянно унижает достоинство офицеров. Только обе истории ничем хорошим не закончились, адмирала с должности не сняли, более того, он пообещал положить эти рапорты в гроб генерал-майору и даже «не пустить слезу над телом безвременно отошедшего в мир иной бездельника».

Старший лейтенант Мезенцев снял фуражку, нервно провел тыльной стороной ладони по лбу, хотя пота не было – просто стало не по себе, когда вспомнил об адмирале Борисове. К счастью, того сейчас не наблюдалось и близко от Саванга, командующий пятым флотом находился где-то в другой части созвездия Центавра, проверяя свои владения и, как обычно, доводя офицеров до тихой истерики.

А то ведь, окажись рядом, мог испортить восхитительную идею, как скрасить вахту... Мезенцев с трудом пережил первую половину дежурства – пока в штабе царила утомляющая дневная суeta. Лишь теперь, ближе к часу ночи, по домикам и казармам разбрелись даже самые ретивые вояки.

Штаб опустел, остались только горемыки вахтенной смены во главе с оперативным дежурным.

Мезенцев грустно вздохнул, вспомнив о том, что в этот раз приходится нести наряд вместе с подполковником Дорониным. Тот был старше чуть ли не на десяток лет, поэтому считал помощника молодым офицером, особых вольностей не позволял. Бывало, с другим коллегой Мезенцев мог и в рубке оперативного дежурного покемарить, а то и новости послушать, глядя в стереовизор... Но, увы, подобное являлось грубым нарушением Устава гарнизонной и караульной службы, а потому с Дорониным не проходило. Это могло бы состояться лишь в случае, если б вахту в рубке оперативного «ташил» кто-то из более молодых офицеров, с кем у Мезенцева существовали приятельские или равные отношения. Не срослось...

– На посту не спать! – грозно рыкнул старший лейтенант, заметив, что сержант из караульного взвода, отвечавший за доступ в штаб, закемарил.

Солдат не положил голову на стол, лишь подпер ее кулаком, но Мезенцев прекрасно знал: стоит дать немного слабину, и вахтенный не просто закроет глаза, а вырубится. Оно, конечно, ничего страшного не произойдет – железная дверь в штаб все равно заперта, открыть ее можно только изнутри, для чего, собственно, и сидит на стуле боец. Это его обязанности: разбираться, кто и зачем идет к оперативному дежурному, и лишь в случае внятных, предусмотренных инструк-

циями ответов – отпирать засовы.

– Не спать! Не спать! На губу отправлю! – с угрозой рыкнул офицер.

Не положено молодым спать на посту. Право на небольшой «расслабон» имеет лишь тот, кто давно тянет лямку. А молодняк пусть несет вахту, как положено Уставом гарнизонной и караульной службы.

– Мезенцев! – вдруг донесся из рубки оперативного дежурного окрик подполковника Доронина. – Мезенцев, загляни ко мне на минуту!

– Есть! – Старший лейтенант мигом подобрался, попытался придать лицу выражение честного службиста, размышляющего не о том, как поскорее добраться до медчасти, нет, думающего лишь о прямых обязанностях.

– Прошу разрешения... – Он бодро вошел в рубку оперативного дежурного, остановился в двух шагах от пульта, за которым сидел Доронин.

– Выпусти из штаба! – приказал подполковник, мотнув головой так, чтобы старший лейтенант понял: речь шла о дрогле, также находившемся в помещении. – Выпусти, а потом, когда закончит обход, впусти обратно.

Мезенцев молча отдал честь, развернулся и первым вышел из рубки, словно показывая чужаку, кто здесь главный.

– Сержант! Выпустить! – приказал старлей.

Имени дрогла Мезенцев не помнил, да и не считал нужным запоминать. Он, хоть и служил на Саванге второй

год, так и не научился различать «гномиков». Для него все дроглы были изготовлены на копировальном аппарате: невысокие, кожистые и костистые, с подвижными лицами и лопухами ушей. Когда карлики говорили, у них так работали лицевые мышцы, что менялось все: глазные впадины становились то больше, то меньше, щель рта то уже, то шире, даже нос немного вытягивался, а уши шевелились, почище чем у слона или осла.

Поначалу, когда Мезенцев только прибыл на Саванг, его это забавляло – тогда он воспринимал дроглов как экзотических животных. Позднее мимика чужих во время диалогов стала раздражать, даже бесила, по этой причине старший лейтенант старался как можно реже контактировать с представителями иной расы. «Кожаные» гномы чувствовали его неприязнь и отвечали той же монетой, впрочем, это ничуть не беспокоило Мезенцева – он не ждал беды от них.

Говорят, раньше, пару веков назад, дроглы были очень опасны. Тогда они могли силой ментального воздействия остановить вражеский флот, если, конечно, верить сказкам. Сами дроглы уверяют, что тогда они не боялись никаких врагов, просто потому, что никто не мог приблизиться к их планетам. Мысленного импульса нескольких мощных ментатов было достаточно, чтобы вражеская армия увидела перед собой глухую непреодолимую стену.

Карлики не желали воевать, они считали более правильным внушить атакующей армии, что перед ней вообще нет

никакой планеты, которую можно захватить – лишь пустота на десятки световых лет... Однако цивилизация дроглов пришла в упадок, ныне этот вымирающий народ не способен на былые подвиги. Чужаки утратили, растеряли прежнее могущество, вот и вынуждены теперь кормиться людскими подачками. А значит, обязаны знать свое место, и нечего с этими «кожаными» гномами миндальничать!

...Выпустив заморыша из штаба, Мезенцев проконтролировал, чтоб дверь была хорошо заперта, а потом вновь прошел в рубку оперативного. Все же Мариночка томила в медчасти, и ждать дольше уже не хватало терпения и сил.

– Прошу разрешения... – вновь сказал старший лейтенант, переступая порог рубки. – Выпустил, как приказывали, господин подполковник! Чего ему посреди ночи вздумалось гулять?! Понесла нелегкая...

– Почувствовал что-то, – отозвался Доронин. – Попросил: «Выпусти наружу, беспокойно у меня на уме...»

– Вот твари инопланетные! – выругался старлей и тут же осекся, вспомнив, что беседует не со своим приятелем. – Виноват, господин подполковник! Все-таки странные они, дроглы, правда? Человек так никогда не сказал бы... «Неспокойно у меня на уме». Бред какой-то! Человек сказал бы: «Неспокойно у меня на душе».

– У дроглов душа и ум – нечто единое, – напомнил оперативный дежурный, глянув на дисплеи, и Мезенцев – вслед за ним.

Чужак медленно двигался к тыльной стороне охраняемого периметра, к непроходимым болотам, простиравшимся за «колючкой». Дрогл ставил ноги так мягко и аккуратно, что сейчас напоминал кошку. Складывалось впечатление, будто представитель иной расы идет по тонкой-тонкой корочке льда, которая в любой момент может проломиться под ним. Глаз этой нелепой мартышки Мезенцеву видно не было – дрогл смотрел в сторону гнилой топи, – зато уши шевелились и подрагивали.

– А и черт с ним, господин подполковник! – Старший лейтенант легкомысленно махнул рукой, его мало заботило поведение дрогла. – Ум... душа... Пусть идет куда хочет. Все равно мы внутри защищенного периметра, везде часовые, сканеры тепловых полей, детекторы движения...

Полковник Доронин нахмурился, посмотрел на молодого коллегу, затем на дисплей: дрогл исчез из зоны видимости – изменив направление движения, скрылся за казармой.

– Ладно, старлей, хватит пустой болтовни! – приказал оперативный.

– Есть! – В душе у Мезенцева все запело. – Разрешите идти?

– Давай! Не забудь впустить Оорха, когда вернется.

– Есть! Отдам команду сержанту! Я сейчас с проверкой, обойду штаб... по-быстрому... чтоб, значит, все правильно было...

И он выскочил из рубки оперативного дежурного, пока

подполковник Доронин не придумал какое-нибудь глупое задание для подчиненного, не отвлек от главного.

А что главное? Конечно, пышногрудая красавица Мариночка, которая заждалась в медчасти, среди таких удобных коек!

– Слышь, сержант! – Мезенцев заговорщически подмигнул вахтенному у двери и приложил палец к губам. – Если оперативный будет меня спрашивать, скажи: ушел с проверкой по штабу! Но если вдруг припрет – быстро-быстро мотай в медчасть, найдешь меня там! Только никому ничего не говори! Просто мотай туда, пулей! Предупредишь! Все понял?!

Секунду-другую солдат молча взирал на старшего лейтенанта, а в его полусонных глазах жило непонимание. Потом взгляд стал более осмысленным, на губах бойца нарисовалась похотливая улыбочка.

– Прапорщик Ведищ...

Сержант не успел договорить – Мезенцев, сделав угрожающее лицо, поднес кулак к самым губам бойца, вынуждая заткнуться.

– Тихо! – прошипел старший лейтенант. – Услышит оперативный, я тебе трое суток «губы» выпишу! За нерадивое несение службы! Все понял?!

Улыбка исчезла с губ солдата. По глазам было понятно, что он думает об офицере, но сказать это вслух сержант не мог: «весовая категория» не позволяла. Приказы старших по

званию не обсуждаются, их следует выполнять, а уж потом, если возникнет желание, можно накропать рапорт командованию, обжаловать действия офицера.

– Вижу, что понял. – Мезенцев чуть расслабился, сверху вниз посмотрел на солдата. – Ну, коли понял, значит – молодец! Сиди тут и бди! Бди! Я скоро вернусь!

И старший лейтенант, опасливо покосившись в сторону рубки оперативного дежурного, торопливо зашагал к медчасти.

...Красавица-блондинка, которую сморило от долгого ожидания, прилегла на койку прямо в одежде. Мезенцев так и застал ее, переступив порог санитарного блока. Впрочем, он так долго ждал этой минуты, желание было так велико, что старший лейтенант даже не стал толком будить спящую, не стал тратить время на какие-то прелюдии и долгие «танцы» вокруг да около...

– Красотуля моя пышногрудая! – горячо прошептал он, не позволяя очнувшейся от полудремы девушке приподняться, что-либо сказать. – Детка, как я истосковался по тебе!!!

Он навалился на Марину сверху, дрожащими пальцами принялся расстегивать пуговицы на белой блузке. Жадно припал к губам девчонки, проводя горячими ладонями по бедрам, задирая короткий халатик вместе с мини-юбкой. От нетерпения не смог развязать тонкий поясок, чуть не сделал на нем узел и, уже не в силах контролировать себя, просто рванул белую ткань с плеч, укусил Марину в грудь.

Девушка вскрикнула от неожиданности, но старший лейтенант тут же зажал ей рот ладонью, не позволяя шуметь. Просунул колено между ног подружки, страстно целуя голые плечи, шею...

Когда старший лейтенант Мезенцев вошел в Марину, дрог Оорх корчился на земле в агонии, а из его шеи торчала обжигающая стальная стрела.

...Дрог, вдруг появившийся неподалеку от места, где лежал убитый часовой, чуть не разрушил все планы фринов. Техники возились с нейтрализаторами детекторов движения, а коротышка объявился будто из-под земли, его запросто могли проглядеть – в силу того что ждали врагов высокого роста. Все же люди чуть ли не в два раза выше, а в ночи – когда смотришь против слепящих прожекторов – трудно заметить маленькую цель...

Один из наблюдателей, лежавший рядом с Мадэном, вдруг тронул командира за руку, указал на что-то крохотное, издали почти незаметное. Лидер группы спецназа напряг зрение, стараясь трансформировать зрачки так, чтобы отфильтровать мешавший блеск прожекторов. В отличие от людей фрины умели разделять световые потоки по длине волны, это, конечно, требовало серьезного напряжения глазных нервов, но помогало в критических ситуациях.

Дрог! Едва включив внутренние фильтры, Мадэн разглядел опасного врага – тот медленно, очень осторожно прибли-

жался к колючей проволоке, еще точно не зная нужного места, но выбрав правильное направление.

Почувствовал, гад! Нет, не случайно в штабе призывали опасаться дроглов! Коротышки хоть и утратили многое, но все равно оставались ментатами и в чутье заметно превосходили людей, уповавших исключительно на технику.

Мадэн резко поднял вверх указательный палец, давая команду снайперу с арбалетом. Пользоваться молниеметами было нельзя, любое неосторожное телодвижение атакующих могло сорвать операцию. Гнома следовало ликвидировать тем же способом, которым умертвили человека.

Снайпер торопливо перезарядил арбалет, уже не успевая выбрать отравленную стрелу «под дрогла», поставил ту, которая рассчитана на людей. В этом, конечно, был определенный риск, но лучше допустить такой риск, чем позволить дроглу заметить мертвого часового и поднять тревогу.

Снайпер не промахнулся – стрела угодила точно в горло коротышке, но еще до того, как враг осел на землю, Мадэн вновь поднял руку вверх, энергично покрутил указательным пальцем в воздухе, сжал кулак. «Добить!» Проблема заключалась в том, что строение тела дроглов очень сильно отличается от людского, а снайпер с арбалетом был ориентирован на ликвидацию воинов другой расы и мгновенно перестроиться не смог.

Два солдата тут же поползли вперед, к «колючке», остальные, растянувшись цепью вдоль места будущего прорыва,

выдвинули стволы молниеметов, готовясь поддержать товарищей огнем.

В течение последней минуты перед атакой Мадэн не произнес ни слова, все команды отдавал молча, условными знаками. Там, где оказался один дрогл, могли найтись и другие. А у коротышек, как известно, слух развит гораздо лучше, нежели у людей. Когда имеешь дело с чертовыми гномами, лишний раз рисковать не следует.

Детекторы движения уже были обезврежены группой технической поддержки, и два ликвидатора, благополучно миновав «колючку», подобрались вплотную к дроглу. Тот барахтался на земле, пытаясь отползти, отодвинуться подальше от Смерти, которая приближалась к нему из болота. Конечно, на небольшом расстоянии ментат не мог не почувствовать ликвидаторов-фринов, что готовились убрать ненужного свидетеля.

Дрогл все чувствовал, все понимал, только мешала стрела, перебившая координационный центр. Из-за этой раны коротышка потерял способность управлять собственным телом, лишь хаотически дергал руками и ногами. У него даже лицо и уши шевелились, когда фрины подползли вплотную. Один навалился на жертву, заткнул рот, другой в два быстрых движения перерезал речевые центры, а уже после этого – добил раненого ударом в главный нервный узел, располагавшийся в нижней части груди.

Дрогл заметался, будто от дикой боли, впрочем, кричать

он уже не мог. Тело выгнулось дугой, судорожно дернулись взад-вперед большие уши, потом обмякли и они. Коротышка замер неподвижно, черты лица разгладились, губы и веки прекратили хаотические движения.

Выждав с минуту, один из ликвидаторов подал условный сигнал Мадэну, и группа спецназа медленно втянулась на территорию сонного лагеря, еще не подозревавшего, что в военный городок людей проникла Смерть.

Штаб. Самое важное, о чем должен думать командир отряда спецназа, оказавшись на территории базы противника. До его уничтожения ликвидаторы не станут делиться на группы охотников, гоняющих сонную дичь.

К штабу подобралась тихо и незаметно, опасаясь только дроглов. Фрины неплохо изучили психологию противника, отыскивали наилучшее время для атаки – такое, чтобы снизить вероятность активного организованного сопротивления. Три часа ночи по среднегалактическому времени. Перед рассветом проще всего обезглавить врага, воспользовавшись его естественной физической слабостью, потерей собранности, концентрации.

Когда пятеро бойцов ударной группы заняли позиции неподалеку от стальной двери, перекрывавшей доступ в святая святых людей, Мадэн поднял руку, призывая к вниманию. Затем посмотрел на солдата, вооруженного тяжелым энергоболом, сделал короткое движение ладонью в сторону преграды. И тут же поднял вверх сжатый кулак, напоминая

своим: добивать следует любого, хоть раненого, хоть прекратившего сопротивление.

Огненный клубок шаровой молнии, размером с теннисный мяч, вонзился в дверь, в районе электронных блокираторов, а затем взорвался со страшным грохотом – теперь не имело смысла таиться. Теперь все зависело от скорости действий. Только за счет внезапности атаки можно добиться желаемого результата.

Мадэн распахнул покореженную дверь мощным ударом сапога и тут же, не тратя ни секунды, расстрелял в упор очумевшего, сонного солдата, даже не попытавшегося воспользоваться лазером. Этот горе-войка перед смертью успел только раскрыть рот от удивления, выпучил глаза, а уже через мгновение с болезненным всхлипом дернулся назад к стене, сполз вниз со стула. Мозг жертвы умер быстрее, чем мышцы, непроизвольно среагировавшие на чудовищный удар током.

Командир спецназа фринов не задумывался о таких мелочах. Его солдаты вломились в штаб, растеклись в две стороны по коридорам: искали рубку дежурного. Требовалось как можно быстрее подавить сопротивление человека, от которого зависело все. Если б только вахтенный офицер успел передать в главный штаб сигнал тревоги, это перечеркнуло бы замысел нападавших.

Не успел. Подполковник Доронин, мирно кемаривший за дисплеями, сделал то же самое, что и сержант, дежуривший у входа в штаб: открыл рот и выпучил глаза от удивления.

Оперативного дежурного Саванга убивали в три ствола. Тело подполковника прошивали голубыми разрядами вновь и вновь, даже тогда, когда все мышцы мертвеца перестали реагировать на чудовищные залпы из молниеметов. Затем спецназовцы выскочили из рубки, и в пульт – один за другим – ударили два светящихся «теннисных мяча», со страшным грохотом превратив системы связи и оповещения в груды искореженного, обгоревшего металла.

Лишь после этого отряд фринов разделился на две части. Одна, возглавляемая Мадэном, отправилась наружу – добывать людей, очумевших со сна, бестолково метавшихся по гарнизону. Вторая группа осталась, чтобы навести порядок в штабе...

Уничтожив дежурного, следом с ходу разобрались с остатками караульного взвода – и с теми, кто не успел выскочить из комнаты отдыха, и с теми, кто оказался резвее, укрылся в дальних коридорах. Несколько бойцов попытались оказать сопротивление, но бестолково, неорганизованно – их подавили, не потеряв ни одного спецназовца...

– Кажется, там что-то грохнуло. Надо бы посмотреть... – Марина Ведищева хотела выскользнуть из-под старшего лейтенанта Мезенцева, но тот не позволил.

– Не отвлекайся! – хрипло приказал мужчина и еще плотнее прижал девушку к столу, куда перетащил ее во время любовных утех. – О-о-о!!!

Он стал двигаться резче, энергичнее, почувствовав, что

близок к финалу. В такую минуту никакой грохот где-то за плотно закрытой дверью не мог остановить разгоряченного мачо. Так ему казалось. И вдруг какая-то неведомая сила заставила оглянуться, посмотреть себе за спину.

От зрелища, представшего перед старшим лейтенантом Мезенцевым, у него в два счета пропало желание думать о Мариночке. И вообще о любой другой женщине. Того, что находилось на пороге, было вполне достаточно, чтобы завопить от ужаса и броситься прочь, сломя голову, не разбирая дороги.

В дверном проеме стояли двое *чужих* – таких, каких Мезенцев никогда не встречал. Бледно-зеленые черепа, огромные черные глаза с вертикальными зрачками, абсолютно неподвижные лица, военная форма, перепачканная болотной грязью, увешанная непонятным снаряжением.

Все это он разглядел за доли секунды. Если бы кто-то сказал Мезенцеву, что за пару мгновений человек может столько увидеть и переварить разумом, старший лейтенант ни за что бы не поверил.

Однако у помощника оперативного дежурного не было возможности что-то такое обсуждать с друзьями-приятелями. Он еще успел почувствовать: чужаки готовы стрелять в любую секунду – какие-то странные трубки были направлены на мужчину и женщину. Враги могли стрелять, но медлили – просто наблюдали за спариванием представителей иной расы. С интересом. Чуть брезгливо. Так, наверное, взрос-

лый, разное повидавший человек мог бы наблюдать за спариванием бездомных собачек, которые выставили напоказ свои интимные отношения и радостно исходят слюной...

Это Мезенцев успел почувствовать – так, словно был ментатом не хуже дроглов.

– А-а-а! – закричал старший лейтенант, отскакивая в сторону от Марины, пытаясь на ходу выдернуть лазер из кобуры.

И тут же перестал что-либо воспринимать. Две голубые молнии вонзились в его тело, швырнули назад, на стену. Третья, хоть и пригвоздила несчастного к переборке, была абсолютно лишней. Мезенцев умер и уже ничего не чувствовал.

– Не на-а-а-до! – дико закричала Ведищева, соскользнула со стола, забилась назад, в угол, потому что трубки, стрелявшие молниями, теперь были направлены на нее.

Марина потянула юбку вниз, расправляя ее на бедрах, попыталась прикрыть халатом грудь, словно это должно было спасти от страшных электроразрядов, но в ту ночь на Саванге не было места для чудес. Молнии прошли тело девушки, она повалилась на спину, лицо перекосила жуткая гримаса боли. Зрачки судорожно дернулись, ярко накрашенный рот открылся.

– Самка, – отметил один из фринов, убедившись, что последняя жертва в этой комнате мертва.

– В военной форме, – равнодушно добавил другой. – Сама выбрала путь, сама отвечает.

...Оставшиеся без управления солдаты метались между казармами, пытались укрыться на складах или добежать до болота, но везде их находили голубые молнии фринов. Охотники действовали организованно и расчетливо: после того как из строя вывели электрогенераторы, люди превратились в беспомощных младенцев. В темноте они ничего не видели: прожектора погасли, и теперь исход поединка мог быть только таким, какой изначально планировали фрины. Паники добавили несколько огненных «мячей», воткнувшихся в казарму и склад, после чего одно здание развалилось на куски, а второе вспыхнуло так, словно было сделано из соломы.

– Всех! До последнего! – теперь не было необходимости соблюдать тишину, и Мадэн отдавал команды в полный голос, подстегивая ликвидаторов.

Нельзя останавливаться, пока жив хоть один человек.

...Бойня продолжалась несколько часов и затихла лишь тогда, когда над Савангом взошло светило. Дольше всего продержались расчеты нескольких кинетических орудий – просто потому, что они находились на дежурстве возле установок. Большинство солдат свободной смены умерли сразу, в первые минуты атаки, но жалкая горстка успела забиться в дальние глухие штольни. Этих упрямцев Мадэну и его бойцам пришлось выкуривать по одному. Обреченные люди уже никому не могли передать сигнал тревоги, возле орудий располагались только радиостанции ближнего радиуса действия, а центр связи и рубка оперативного дежурного давно

превратились в груды искореженного металла.

Покончив и с этой проблемой, Мадэн вызвал штаб флота, находившийся на флагманском корабле ударной группировки, передал условный сигнал. Теперь оставалось занять оборону и ждать, пока придут технические специалисты. А в это время боевые звездолеты совершат отвлекающий маневр...

...Эскадра фринов появилась на экранах радаров настолько внезапно, что в первую минуту операторы ПВО просто не поверили в реальность происходящего. Солдаты дежурной смены тупо пялились на запестревшие отметками дисплеи, а в головах у всех вертелась только одна мысль: «Чья это дурацкая шутка?!»

Корабли не могут появиться из ничего, точно так же, как не могут внезапно пропасть, – материя не превращается в пустоту, ну, разве что в результате мощного плазменного залпа...

А чужие звездолеты возникли именно так – из пустоты, на столь малом удалении от базы патрульных судов семнадцатой бригады, что поверить в материальность боевых кораблей никак не получалось. Однако компьютерные системы, не знающие слова шок, быстро убедились, что чужаки на сигналы опознавания не отвечают, а потому провели экспресс-анализ и на основе заложенных в память технических характеристик вынесли приговор: «Ударные крейсера фри-

нов. Усовершенствованная модификация старых «Торнадо LI».

И тут же тишина взорвалась – разлетелась на куски от рева сирен, от нервной, истеричной скороговорки операторов боевых информационных постов, от грохота сапог дежурных сержантов и прапорщиков.

Люди начали суматошно метаться по коридорам, звонить «наверх» – начальнику гарнизона и командиру бригады кораблей, докладывать обстановку. Будто кто-то теперь мог что-нибудь изменить...

Это потом, позднее, анализируя действия фринов с помощью компьютерного моделирования, штабные стратеги пришли к выводу: в момент приближения к базе патрульных судов противник использовал новейшие системы радиоэлектронной борьбы. Они не сумели полностью подавить широкодиапазонные помехоустойчивые локации ПВО, мощности не хватило, но позволили незаметно подобраться к цитадели, которую люди считали почти неуязвимой.

Однако выяснение деталей операции вторжения произошло много позже, а сейчас все в панике металось по штабу, по космодрому, под жуткий вой аварийных сирен, предупреждавших об атаке с воздуха. И фрины не заставили себя долго просить: огромные раскаленные шары посыпались с неба – на боевые корабли, на казармы и технические капониры, на головы потерявших рассудок солдат.

– Где?! Где зенитные батареи Саванга?! – страшно выпу-

чив глаза, орал командир семнадцатой бригады генерал-майор Соловьев, появившийся в штабе.

При этом он сильно тряс связиста, безуспешно вызывавшего Саванг, – так, словно солдат лично отвечал за молчавшие орудия прикрытия. Связист испуганно вжимал голову в плечи, но не из-за гнева начальства, просто страшные огненные шары врзались в поверхность Рапиды все ближе.

– Саванг! – ничего не видя и не слыша, вопил комбриг. – Срочно дай мне Саванг!!! Фрины атакуют со стороны Южного Креста! Почему Левенко пропустил их?! Где заслон?! Мне срочно нужен заслон! Дай на связь Левенко!!! Слышишь?!

Солдат энергично мотал головой, вновь и вновь вызывал планету первой линии защиты, но результат оставался тем же самым: Саванг молчал.

– Ч-черт! – осознав, что помощи ждать неоткуда, генерал-лейтенант бросился из штаба прочь – наружу, на космодром.

Целая вереница светящихся шаров вдруг протянулась с запада на восток. Казалось, невидимый исполин включил швейную машинку, которая с огромной скоростью пробивает материю иглой, не разбирая, что за куски ткани попадают под рабочий механизм.

Не куски ткани – звездолеты и радарные установки, казармы и коммуникации, солдаты и гражданские, случайно оказавшиеся в зоне вероломной атаки фринов. Командир бригады еще успел заметить, как накренился и стал медленно

заваливаться набок один из тяжелых крейсеров. Потом все исчезло в клубах пыли, воздух стал серым и горячим, на зубах закрипел песок. «Вашу мать!» – хотел ругнуться Соловьев, но только жутко закашлялся. В сумрачной пелене он не понимал, куда бежать, не мог отдавать команды подчиненным. Он просто ничего не видел, словно остался здесь, среди исполинских воронок, сухой земли и песка, совсем один.

Земля дрогнула в сотне метров от генерал-майора Соловьева, а может, и ближе. Огненный шар разорвался со страшным грохотом, офицера подбросило в воздух, швырнуло куда-то в сторону, в клубящуюся пыль.

Командир бригады патрульных судов хотел выставить руки, защитить хотя бы голову, но в этой серой мути было совершенно непонятно, куда его бросило взрывной волной, с какой стороны ждать беды. Генерал-майор ударился лбом обо что-то твердое и потерял сознание.

...Когда пришел в себя, сразу почувствовал – воздух стал другим. Пыли в нем больше не было, дышалось легко, не так, как раньше, когда ноздри и легкие засасывали сухую песчаную взвесь, из-за которой жутко хотелось кашлять.

– Кажется, уходят... – негромко пробормотал кто-то.

– Не сглазь... – нервно отозвался другой человек.

Генерал-майор Соловьев открыл глаза, но тут же опустил веки, сразу поняв, что поторопился. Все вокруг стало кружиться с такой жуткой скоростью, что невозможно было ни разглядеть говоривших, ни понять, где он сам находится.

– Вашу мать... – пробормотал командир бригады, пытаясь усилием воли подавить приступ тошноты.

– Лежите, лежите, господин генерал-майор! – затараторил солдат. – Вам пока нельзя подниматься. Сейчас доктор подойдет, он на минутку отлучился в другой блок...

Генерал-майор с трудом поднял руку, не открывая глаз, попытался ощупать собственный лоб, странно горевший, только пальцы никак не могли добраться до нужной точки. Боец, сидевший возле пострадавшего офицера, понял, что хочет сделать Соловьев, помог ему – дотащил ладонь до головы.

– Тут у вас жуткий рубец, – пояснил солдат. – О вертикальную железную балку долбанулись, господин комбриг! Слава богу, черепная коробка выдержала...

Соловьев заскрипел зубами от злости. Генерал-майор искренне страдал не только потому, что получил травму, а из-за того, как дешево их уделали фрины. Конечно, никто не ждал внезапного и подлого нападения на закрытую военную базу, тем более что передовой заслон Саванга обязан был остановить врага. Или хотя бы предупредить семнадцатую бригаду об опасности...

Этого не произошло, фрины сумели не только проскользнуть мимо зенитных батарей Саванга, но и внезапно ударили по Рапиде. А бригада, находившаяся в точке постоянного базирования и не ждавшая атаки, не успела мобилизоваться, выйти в космос, чтобы достойно ответить противнику...

– Посторонись! – комбриг услышал чей-то властный голос, кажется, знакомый, но теперь голова работала настолько плохо, что Соловьев не смог разобраться.

Попробовал открыть глаза, но стало еще хуже, чем в первый раз, – вдруг почудилось, что он проваливается в какую-то бездонную яму. Да не просто проваливается, а рывками, от чего руки и ноги непроизвольно задергались, по всему телу выступил холодный пот. Генерал-майор не удержался, слабо застонал.

– Господин комбриг! Капитан Астахов, третья санитарная рота. Сейчас окажу вам помощь, станет легче...

Соловьев почувствовал, как игла впилась в вену.

– Очень много раненых, – продолжал капитан-медик. – Про убитых не говорю... Хорошо, что солдаты наткнулись на вас в этой жуткой пыли на космодроме, а то бы...

– Капитан, – перебил Соловьев, чувствуя, как приступ предательской слабости отступает. – Капитан, что с нашими кораблями? Что с ударными кораблями семнадцатой бригады?

Пол под комбригом несколько раз сильно вздрогнул – лежавший на спине офицер почувствовал это.

– Возвращаются... – со страхом пробормотал один из солдат. – Не ушли, гады! Новая атака...

И вновь сильные толчки. Откуда-то сверху посыпалась пыль.

– Где мы? – не рискуя открывать глаза, спросил Соловьев.

– В бомбоубежище, господин комбриг! – радостно отозвался кто-то. – Слава богу, тут не достанут!

– Тьфу, трепач хренов! – собеседник болтливого солдата набросился на товарища. – Молчи, сглазишь!!! Не ровен час, достанут!

Земля над головой вздрогнула еще раз, потом еще и еще. Видимо, фрины продолжали наносить точечные удары по объектам на поверхности. Из стыков бетонных плит на людей посыпалась мелкая пыль.

– Капитан! – Генерал-майор Соловьев нетерпеливо махнул рукой, словно этим жестом хотел дать понять офицеру-медику, что сильно недоволен его молчанием. – Капитан, мне нужен четкий доклад! Что с нашими кораблями?!

– Уничтожены, господин комбриг, – тяжело вздохнув, ответил Астахов. – Уничтожены фринами. По-моему, никто не успел стартовать. Все, что находилось на космодроме, превратилось в пепел, в лужи расплавленного металла.

– Что за оружие используют фрины? В первую войну у них такого не было...

Капитан Астахов недоуменно пожал плечами, посмотрел на солдат, сидевших подле командира.

– Не знаю, господин генерал-майор, – не дождавшись поддержки, отозвался он. – Это очень похоже на большие шаровые молнии. Они падают с неба, как огненные клубки. А потом взрываются почище, чем любая бомба. Все в пепел, в прах...

Генерал-майор Соловьев резко открыл глаза, посмотрел вокруг себя. Теперь, когда подействовало лекарство, введенное в вену, он чувствовал себя чуть получше. Комбриг, опираясь дрожащими ладонями на пол, приподнялся, прислонился спиной к стене.

– Отставить! – приказал он солдатам, поспешившим на помощь, а сам обвел взором тех, кто находился в бомбоубежище. – Это все, кто уцелел? – угрюмо уточнил Соловьев.

В помещении, освещавшемся несколькими переносными фонарями, сидело полтора-два десятка человек, не больше.

– В соседнем блоке – тяжелые раненые, – ответил капитан Астахов. – Мы сосредоточили там людей, нуждавшихся в экстренной медицинской помощи. Здесь те, кто не пострадал. Или пострадал незначительно.

– А корабли уничтожены? Все? – переспросил командир бригады, не в силах поверить, что от его мощных красавцев, еще недавно составлявших гордость флота, ничего не осталось.

В это время бетонные своды над головами людей дрогнули три раза подряд. Генерал-майор Соловьев и капитан Астахов посмотрели на потолок, откуда сочилась пыль, потом друг на друга. Все было понятно без слов. Фрины добивали цели, которые еще оставались на поверхности Рапиды.

– Думаю, там нет ни одного нашего корабля... – тоскливо произнес медик.

Словно поставил окончательный диагноз безнадежному

больному. Все притихли. Земная твердь вздрогнула еще раз.

– Астахов, – опершись затылком на стену, позвал комбриг. – Забудь пока о раненых, это приказ! Обследуй другие убежища, найди мне одного живого радиста со станцией дальней связи! Слышишь?! Сейчас главная задача – оповестить генеральный штаб флота! Иначе раненые и убитые будут не только здесь, на Рапиде. Много раненых и убитых! И не только среди военных! Пострадают гражданские! Все понял?

– Так точно! – Астахов даже мотнул головой в знак согласия.

– Действуй! – комбриг опустил веки.

Несмотря на лекарство, полутемное помещение все равно кружилось перед глазами. С тошнотой было очень трудно бороться, но Соловьев понимал, что это полная ерунда по сравнению с тем, что могло случиться уже в ближайшие часы.

Фрины пробили брешь в обороне: нашли способ, как миновать зенитные батареи Саванга, уничтожили семнадцатую бригаду патрульных судов-истребителей. По сути, это открывало коридор со стороны Южного Креста. Коридор для входа в жизненные зоны, освоенные человечеством...

– Господин генерал-майор! – Соловьев очнулся оттого, что кто-то потряс его за плечо. Командир семнадцатой бригады понял, что на какое-то время вырубился – провалился в черную яму, то ли из-за сотрясения мозга, то ли из-за

введенного лекарства. – Господин генерал-майор! Сержант Райхнард явился по вашему приказанию! Докладываю: получены сигналы SOS с двух планет дроглов! Союзники просят о помощи, их атакуют боевые звездолеты фринов!

– К черту сигналы о помощи, сержант! – стряхивая опешение и непонятную вялость, вымолвил командир бригады. – Срочно дай мне связь со штабом флота! Как хочешь крутись, хоть сам вылезай на поверхность и ставь направленную антенну, но мне нужен канал со штабом флота!

– Сэр, но там, наверху...

– Приказы не обсуждаются! – Соловьев открыл глаза, посмотрел на солдата, словно удав, гипнотизирующий кролика. – Даю тебе пять минут! Если связи не будет – прикажу расстрелять за невыполнение приказа!

– Есть! – сержант побледнел.

Вопросительно поднял брови, поглядел на капитана Астахова, стоявшего рядом. А потом опомнился, отдал честь, побежал разворачивать резервную станцию дальнего действия, которую еще требовалось подключить к какой-нибудь уцелевшей антенне на поверхности. Если таковая существовала.

– Связь... – пробормотал Соловьев, чувствуя, что вновь отключается. Сознание куда-то уплывало. – Связь... Доложить... Любой ценой...

– И вот, с милыми улыбками, с цветочками в петлицах, контрольная группа прибывает на Рапиду и начинает тща-

тельно запланированный геноцид! – громогласно объявил адмирал Борисов, спускаясь по трапу флагманского крейсера.

Сойдя на плиты космодрома, командующий пятым флотом даже не позволил генерал-майору Соловьеву доложить обстановку, поприветствовать начальника, как того требовал устав.

– Что это, комбриг?! – рывкнул адмирал, резким движением поправив фуражку и выпятив вперед подбородок. – Что это у вас, швартовая команда?! Это не швартовая команда, это стадо обосравшихся пингвинов! Их место – Южный полюс на Земле! Я не раз говорил: бардак на флоте начинается с таких вот мелочей! Разгоните к черту этот пернатый базар, а мне представьте нормальную швартовую команду! Верните птицам родину!

– Сэр, я... – Генерал-майор Соловьев, который еще не до конца оправился от сотрясения мозга, чувствовал себя неважно даже без громогласных воплей вышестоящего начальства.

Он хотел оправдаться, объяснить ситуацию. На космодроме Рапиды, неподалеку от совершивших посадку боевых кораблей адмирала Борисова, все еще дымились уничтоженные и поврежденные суда семнадцатой патрульной бригады. Уцелевшие солдаты, из которых удалось сформировать несколько спасательных команд, прочесывали окрестности космодрома, выискивали в полуразрушенных зданиях

и бомбоубежищах выживших людей. В таких условиях говорить о торжественной встрече командующего флотом было просто невозможно.

– Сэр, – капитан медицинской службы Астахов, понимавший, что командиру бригады, получившему сотрясение мозга во время налета, по-прежнему нехорошо, рискнул сделать шаг вперед. – Господин адмирал! Осмелюсь доложить, генерал-майор Соловьев серьезно пострадал во время атаки фринов...

– Капитан, танки клопов не давят! Я даже не буду с вами разговаривать! Кругом! В строй – шагом марш! Рот открывать по команде! А то я помогу усвоить азы военной науки! Вы все тут у меня полопааетесь, как рахитные мартышки, беременные от бегемота!!!

Астахов густо покраснел, но беспрекословно выполнил команду, сделал два шага назад, замер в строю офицеров.

– Где начштаба бригады?! – грозно прорычал Борисов. – Почему я не вижу этого доблестного стратега и полководца среди собравшихся?!

– Убит во время вероломной атаки фринов. – Командир семнадцатой бригады стоял по стойке «смирно», словно молоденький лейтенант, только-только закончивший училище.

– Где начальник гарнизона?! Где старший помощник начальника штаба по боевой подготовке?! – не унимался адмирал.

– Пропали без вести, сэр. У нас тут... – Соловьев не смог

закончить фразу, командующий флотом не позволил.

– У вас тут бардак и анархия! – Борисов, двинувшийся в сторону здания штаба, остановился и резко взмахнул рукой, указывая на искореженные корабли семнадцатой бригады.

Некоторые из них превратились в груды металлолома, другие выглядели приличнее, но даже без углубленного технического осмотра было понятно, что ни один из них не сможет стартовать с Рапиды до проведения ремонтных работ. Если вообще сможет стартовать...

– Сэр, – попытался оправдаться Соловьев, – нападение фринов было внезапным и вероломным. Они атаковали со стороны созвездия Южного Креста, каким-то образом пройдя мимо батарей Саванга. Там ведь установлены новейшие кинетические орудия, мы были в полной уверенности, что из этого сектора подойти к Рапиде невозможно.

К концу этой фразы, которую генерал-майор сумел произнести до конца, он почувствовал себя немного увереннее. Все же адмирал Борисов позволил сказать хоть что-то. Может, у командующего флотом чуть сошел эмоциональный запал? Однако не тут-то было.

– Бараны! – вновь вскипел Борисов. – Тупоголовые бараны! Я тысячи раз указывал, что за всеми негативными событиями в гарнизоне обычно стоят обычные люди, деятельность которых не подвергнута должному контролю со стороны командования! Говорил, Соловьев?!

Теперь и генерал-майор покраснел, но не ответил, лишь

вытянулся еще сильнее. Боль в голове вдруг прошла – исчезла, словно ее и не было.

– Я указывал, что качественная подготовка личного состава достигается постоянными тренировками?! Я говорил, что когда был старпомом, то по понедельникам лично в течение сорока пяти минут тренировал командиров вахтенных постов по принципу: «На вас бежит незнакомый мужик с копьем – ваши действия?!»

Командир семнадцатой патрульной бригады молчал. Крыть было нечем.

– А у вас что?! Где работа с офицерским составом?! Где работа с рядовым составом?! Непуганый солдат – это потенциальный преступник, будущий убийца и насильник! В настоящем – лентяй и тунядец! Однако мои послы прошли мимо вашего сознания, генерал-майор! Кругом все грамотные стали сверх меры! Что вы, что ваш добрый приятель, генерал-майор Левенко с Саванга!

Тот чудака на букву «м» преуспел лишь в одном – все рапорты строчил в генштаб, с просьбами оградить от моих нападков и оскорблений! Я обещал эти рапорты положить ему в гроб? Обещал?! Так вот – не получится! Вы спрашиваете, генерал-майор, почему зенитные орудия Саванга не прикрыли сектор ответственности? Почему пропустили эскадру фринов со стороны Южного Креста? Ответ прост: нет Левенко! И нет его батарей! Фрины побывали на Саванге! А нам всем из-за этой халатности теперь сушить сухари и готовиться в

тюрьму!

Услышав такие новости, генерал-майор Соловьев побледнел.

– Вот кого я точно подвесил бы за детородный орган, а потом задал пару-тройку неприятных вопросов! – Адмирал в ярости рубанул ладонью воздух. – Только поздно, диалог с Левенко закрыт. А вот к вашему ПВО вопросы остались. ПВО! Где начальник ПВО Рапиды?!

– Полковник Шникс! – Офицер быстро выступил из строя, словно такая расторопность могла избавить его от взбучки.

– Жив, негодяй! – с неприятной улыбочкой констатировал Борисов и еще больше выдвинул подбородок вперед. – Жив! Ну, доложи, герой, по какой причине эскадра противника сумела подойти к Рапиде незаметно на дистанцию прямого удара?!

– Сэр... – Настала очередь полковника потеть и краснеть. – По нашим предварительным оценкам, фрины используют новые технологии радиоэлектронной борьбы. Они применяют какие-то нестандартные генераторы широкополосных помех, из-за которых наши радары...

Борисов язвительно кашлянул, не позволив закончить мысль.

– Глядя на тебя, так и хочется посоветовать: «Скажи отцу, чтоб в следующий раз предохранялся»! Хорошо, полковник Шникс, радары планетного базирования были частично вы-

ведены из строя средствами РЭБ противника и не могли обрабатывать обстановку на максимальном удалении! Но где в это время находились патрульные суда ПВО семнадцатой бригады, а?! Где были суда, отвечающие за безопасность введенного вам сектора ответственности?!

Шникс замялся, не зная, как ответить. Честный ответ заключался в том, что все расслабились, слишком понадеялись на зенитные батареи Саванга – привыкли жить спокойно под защитой мощных орудий.

– Не уходи в себя, полковник, там тебя найдут в два счета!

– Ну... сэр, я... Батареи Саванга...

– Полковник! Не следует так стыдливо натягивать юбочку на колени, если пришли за помощью к венерологу! Доложите, где находились патрульные суда ПВО в то время, как эскадра фринов сосредоточивалась на границе созвездия Центавра?!

Шникс тупо молчал, глаза его бегали из стороны в сторону.

– Мне все ясно! – Адмирал Борисов повернулся к офицерам контрольной группы, прибывшим вместе с ним на Рапиду. – Я неоднократно предупреждал: основа благополучия флота – внеплановые проверки объектов! Особенно по выходным! Эти маленькие гадости, которые делают жизнь любого командира бригады невыносимой, но безумно интересной, мы – офицеры штаба – должны постоянно претворять в жизнь!

В общем, с Рапидой вопрос решен! Комбриг проспал все, что можно, мы недоглядели. Виноваты все. Как водится, начнем карать с непосредственных исполнителей. Начальник штаба! Подготовить приказ! Командира семнадцатой бригады генерал-майора Соловьева отстранить от управления соединением боевых кораблей! Тьфу! Тут и командовать нечем! Начальника ПВО полковника Шникса снять с должности! Обоих стервецов – под арест до трибунала! Сосредоточить на Рапиде пятьдесят пятую бригаду тактического резерва флота! Генерал-лейтенант Кравец! Принимайте сектор под свою ответственность!

– Есть, сэр!

– Начштаба! – Борисов посмотрел на своего заместителя Коровина, затем на двух провинившихся офицеров. – Если необходимо прямо сейчас поиметь кого-нибудь из «героев», могу дать целых пять минут! Не надо сдерживать души прекрасные порывы, я готов отвернуться!

– Чуть позже! – мрачно глянув на генерал-майора Соловьева и полковника Шникса, пообещал вице-адмирал Коровин. – На гауптвахте проведем воспитательную работу. Без спешки. Мне доложили, что здание офицерского изолятора уцелело...

– Восхитительно! – умилился адмирал. – Космодром превратился в картофельное поле, крейсера – горы металлической трухи, ангары и казармы разрушены, штаб сгорел, а «губа» – цела! И мы, вместо того чтобы расстрелять негодяев,

из-за халатности которых фрины получили тактическое преимущество в созвездии Центавра, отправляем виновных на курорт!

По знаку вице-адмирала Коровина Соловьева и Шникса увели прочь. Уцелевшие офицеры семнадцатой бригады стояли молча, строем, в ожидании «продолжения банкета». Но в это время к генерал-лейтенанту Кравцу подбежал рассыльный, козырнул, что-то тихо шепнул на ухо.

– Сэр, прошу разрешения! – Командир пятьдесят пятой бригады, которой теперь следовало отвечать за проблемную зону, выступил вперед. – Разрешите доложить! Сигнал с патрульно-разведывательного судна! По первым оценкам, противник покинул созвездие Центавра, избегнув боеконтакта, укрылся в туманности Угольный Мешок. Эскадра фринов отступила так же быстро, как появилась. Они не желают ввязываться в масштабный поединок.

– А мы и не смогли бы навязать им масштабный поединок, – недовольно пробурчал адмирал. – Численность врага неизвестна, крейсера семнадцатой бригады уничтожены, требуется оперативная переброска резерва в этот сектор. Пока мы способны только восстановить контроль над частью планет внутренней зоны, оставив без внимания периферию Центавра. Лезть туда малыми силами – без отладки взаимодействия бригад – опасно. Нужен хотя бы день паузы, чтобы создать мощные мобильные заслоны, скоординировать работу штабов... Фрины добились, чего хотели: нанесли точеч-

ный удар, получили тактическое превосходство на определенном направлении и отступили в зону сильных радиопомех. Классическая схема работы диверсионной группы, не связывающейся в масштабный бой, но причиняющей противнику серьезный материальный ущерб.

– Сэр, – продолжил Кравец, – это еще не все. По данным разведки, фрины атаковали не только Саванг и Рапиду. Они уничтожили планету дроглов. Мне только что передали с патрульного судна: Одонк превратился в огненную пустыню. Похоже, там разрушены все поселения. Мои люди сумели разыскать в этом аду лишь одного живого дрогла, он чудом уцелел после атаки фринов.

– Доставьте на Рапиду! – потребовал адмирал. – Я хочу услышать подробности от очевидца событий!

– Сэр, уже выполняем...

Где-то вдалеке послышался рев могучих двигателей. Низкие серые тучи прорезал яркий кинжал пламени – большой разведывательный корабль «Шмель» заходил на посадку.

Генерал-лейтенант взглядом указал на нового «гостя», словно пытался объяснить командующему: везут дрогла. Борисов прищурился, глядя на яркий факел, затем поправил фуражку.

– В штаб его! – приказал адмирал. – В штаб, пулей, как только БРК сядет! Я буду там. Кстати, Кравец! Выставь двойное патрульное кольцо в секторе! Усиленное! Часть кораблей держи в космосе наготове, по режиму «Угроза нападения».

Не хватало еще, чтоб нас тут всех накрыли и покоцали, как малых детишек в песочнице.

Генерал-лейтенант козырнул, побежал к мобиле, собираясь направиться к заходившему на посадку кораблю. Адмирал Борисов, еще раз неприязненно поглядев на груды металлолома, оставшиеся от крейсеров семнадцатой бригады, заложил руки за спину, двинулся в сторону полуразрушенного штаба, где бойцы роты связи разворачивали центр оперативного управления силами флота.

– Благодаря внезапным ударам по базам пятого флота противник получил тактическое превосходство в районе боевого столкновения, заставил нас действовать по факту свершившихся событий, а не на опережение...

Обстановку докладывал начальник разведки, а остальные, включая адмирала Борисова, слушали молча. Много из того, о чем говорил офицер спецслужбы, им было известно, но какие-то мелкие детали могли иметь первостепенное значение при анализе ситуации, а разведка обладала самыми свежими данными. Сведения непрерывными потоками стекались в штаб: чтобы получить наиболее полную оперативную картину событий, спецслужбы использовали все возможные средства, включая зондирование туманности радаром и активное проникновение в зону, контролируемую неприятелем.

– Фрины вскрыли нашу пограничную систему по оси Са-

ванг – Рапида. Пользуясь халатностью руководства семнадцатой бригады, уничтожили значительную часть патрульных звездолетов прямо на базе, так сказать, «оптом». Теперь, чтобы восстановить полный контроль над сектором, требуется сгруппировать в районе боевых действий пятьдесят пятую и пятьдесят шестую бригады резерва. Однако для уничтожения флота противника нам необходимо сконцентрировать и в дальнейшем применить значительные ударные силы. Как известно, зачистка местности всегда требует от активной стороны больших ресурсов, чем у обороняющихся.

События показывают, что на данном этапе войны фрины являются стороной обороняющейся, ожидающей нашего перехода к наступательным действиям. Эскадра, нанеся удары по Савангу и Рапиде, ушла в созвездие Южного Креста. Результаты технической разведки – с применением «дальнобойных» локаторов, развернутых в секторе, – говорят о том, что корабли противника укрылись в туманности Угольный Мешок. Вероятно, там находятся ремонтные службы неприятеля, причалы тактического базирования флота. Можно сказать, под носом у нас, ведь от Южного Креста до созвездия Центавра – рукой подать...

– Черт! – не выдержав, пробурчал адмирал Борисов. – Сколько раз внушал Левенко, что он недопустимо мягок с подчиненными! Каждый недисциплинированный солдат, планируя самовольную отлучку или маленькое послабление по службе себе, любимому, заранее узнаёт: кто будет стоять

дежурным по гарнизону; кто – вахтенным по штабу; кто остается старшим в части; кто его, мерзавца, будет забирать из комендатуры; кто в случае чего будет морду бить. И если в этой цепи найдется одно слабое звено – гульба или пьянка возможна, а если несколько – она неизбежна!

Карамба! Старею, что ли?! Надо было вдумчиво и тщательно «лечить» гарнизон на Саванге, начиная со старших офицеров! Жестче! Активнее! Недоглядели... Гуманизм и человечность в вопросах поддержания боевой готовности – вещи преступные уже по самому определению... А ведь я прав был, насколько прав! Генерал-майор Левенко распустил и ПВО, и караульную службу! Саванг накрыли под звуки браваурного марша, с красивыми бантиками и милыми улыбочками!

Борисов сжал пальцы в кулак, гневно потряс им над развернутой оперативной картой боевых действий.

– Разрешите, господин адмирал? – спросил начальник разведки и, получив утвердительный ответ, продолжил доклад: – Итак, боевая группировка противника развернута в созвездии Южный Крест, в туманности Угольный Мешок. К настоящему моменту мы не имеем точных сведений о численности вражеского флота. К сожалению, за последнее десятилетие фрины значительно продвинулись в разработке вооружений. Можно сказать, предыдущее поражение пошло им на пользу. Им, но не нам, победителям в той войне.

Ныне в арсенале противника сверхмощные системы ра-

диоэлектронной борьбы, ориентированные на подавление локаторов. Эти средства РЭБ не позволяют нам с помощью дальнобойной разведки просканировать туманность Угольный Мешок, определить точки расположения военных баз и численность вражеских ударных групп.

Кроме того, на вооружении фринов появились новые орудия, с которыми нам ранее не приходилось сталкиваться. Очевидцы утверждают, что при обстреле Рапиды использовались не уже знакомые нам линейные молниеметы, а некие другие установки, направлявшие к поверхности планеты вереницы огненных клубков сродни шаровым молниям.

При взрыве каждого такого энергетического сгустка уничтожалось все, что оказывалось в зоне пятидесяти-ста метров. Последствия атаки вы видели на космодроме планеты: корабли семнадцатой бригады либо полностью уничтожены, либо выведены из строя. Наши эксперты считают, что во время вспышек металл плавился, даже тек ручьями – кое-где можно обнаружить застывшие «языки» керамостали. Это очень серьезно, господа. Новое оружие фринов значительно превосходит по мощности традиционные молниеметы. Оно превосходит и наши лазерные пушки. Единственное, что может сравниться с ним, – генераторы плазмы, которые лишь начинают ставиться на баланс флота.

– Слава богу, хоть часть крейсеров оснащена по новым стандартам, – недовольно пробурчал Борисов. – Есть чем врезать по башке фринам. А сколько было воплей, что на-

логоплательщики зря тратят деньги на перевооружение армии?! Ну, ничего, мы покажем всем кузькину мать! Любая инопланетная сволочь, в том числе и эти зеленомордые поганки, обязана знать: против человечества переть не следует! Пресечем жестоко! Молодым и глупым надерем уши! Старших и наглых отправим драить галюны зубной щеткой!

– Сэр! – напомнил начальник разведки. – Мы пока не знаем, где базируется эскадра фринов. И потом, чтобы ее уничтожить, недостаточно одной бригады, требуется сосредоточить в регионе ударную армию. Только с ее помощью можно зачистить целое соз...

– Что нужно сосредоточить, я разберусь! – довольно резко перебил Борисов. – А точки расположения вражеских баз, будь любезен, отметь вот на этой карте!

Адмирал похлопал ладонью по огромному листу бумаги, лежавшему на столе.

– Почему до сих пор не проведено активное зондирование с помощью кораблей-шпионов? – Командующий флотом грозно посмотрел на начальника разведки. – Приказа ждем? К самостоятельным действиям не привыкли?!

– Никак нет, сэр! – мгновенно отчеканил тот. – Предприняты две попытки войти в туманность Угольный Мешок. К сожалению, эти рейды успеха не принесли – локаторы, установленные на бортах звездолетов, не справились с масштабными полями помех. Однако в настоящее время мы применяем компьютерные анализаторы, моделируем... пытаем-

ся просчитать систему РЭБ, созданную фринами. Наши ученые работают, сэр, готовят фильтры! Уже в ближайшие часы модифицированные локаторы будут установлены на разведывательный корабль класса «Мираж», и мы предпримем еще одну попытку выявить точки расположения вражеских баз!

– Действуйте, контр-адмирал! Действуйте активно, так быстро, как только способны! И даже быстрее! Мы должны вывернуть этот угольный мешок наизнанку, вытрясти оттуда всех клопов и блох!

В это время к адмиралу подскочил офицер, дежурный по штабу, козырнул и замер по стойке «смирно».

– Ну? – Борисов нетерпеливо повернулся к визитеру.

– Сэр! Доставили дрогла! Разрешите ввести?

...Чужак-коротышка, уцелевший во время вероломного нападения фринов на Одонк, выглядел так, словно лично он умер не меньше десятка раз. Впрочем, у дроглов – существ, обладавших совсем другой внутренней организацией, нежели люди, – сильные эмоциональные переживания всегда были написаны не только на лице и в глазах, но и на голове.

Кожа гномика сморщилась, будто печеное яблоко. На всей черепной коробке появились огромные извилистые борозды. Уши печально поникли, съежились – такое люди видели впервые. За годы, пока дроглы находились рядом, союзники привыкли к тому, что уши дроглов не бывают в статичном состоянии. Они все время двигаются, шевелятся – выражают

внутреннее состояние чужаков вместе с лицом и глазами.

А вот теперь уши коротышки бессильно обвисли. Сам дрогнул, и без того невысокий, стал еще ниже, съежился и сгорбился. Два солдата не ввели его в рубку, а втащили под мышки.

– Аккуратнее! – приказал дежурный офицер. – Несите туда, на стул!

– Так! – распорядился Борисов. – Лучше поставьте его на стол, чтобы говорить глаза в глаза! Иначе ерунда какая-то получается.

Безучастного ко всему дрогла перетащили на стол, прямо на краешек боевой карты. Чужак наступил босой ногой на Южный Крест, на созвездие Центавра, как раз туда, где располагалась его родная планета – Одонк, и тут же отскочил в сторону, будто от сильнейшего ожога. А потом съежился еще больше, лицо странно задвигалось. Людям показалось – перед ними ребенок, который вот-вот разрыдается.

– Так... – повторил адмирал Борисов, только совсем другим тоном, тихо, без напора. Горе дрогла тронуло даже командующего флотом. – Не знаю вашего имени...

– Уарн, – отозвался чужак.

Стало понятно, что он понимает речь людей, лингвопереводчик не требуется. В этом не было ничего удивительного, многие дроглы легко осваивали универсальный язык союзников – они оказались очень восприимчивы к чужой культуре, к чужим знаниям...

– Значит, переводчик не нужен, – на всякий случай уточнил адмирал.

Дрогл кивнул, и это был очень человеческий жест, потому что в беседах меж собой представители иной расы выражали согласие по-другому – коротким взмахом ушей вверх-вперед. Расстроенный гном словно пытался показать, что знаком не только с языком, но и с обычаями людей.

– Итак, Уарн, – вновь заговорил Борисов, убедившись, что чужак его хорошо понимает. – Я – адмирал Борисов, командующий флотом, прибывшим сюда, чтобы уничтожить фринов.

Дрогл никак не отреагировал на сообщение, не замахал быстро-быстро ушами в знак радости, лишь печально посмотрел на человека. «Поздно прибыли», – читалось в его глазах, но Уарн ничего не произнес вслух.

– Мы отомстим за твою планету, – продолжил адмирал. – И за гибель наших товарищей. Мы обязательно прогоним фринов и восстановим пограничный контроль. Все будет хорошо.

– Хорошо. Будет. Нет, – впервые дрогл ответил сравнительно длинной фразой, но, заметив недоумение в глазах людей, тут же собрался, заговорил правильно – начал строить фразы так, чтобы было привычно для представителей другой расы. – Хорошо не будет. Не будет. Никогда. Мы сами виноваты. Слишком многое утратили за два века. Закат... Закат нашей цивилизации. Заслуженная кара за глупость трех

поколений. Предшествующих поколений. Грустно. Грустно жить на закате эпохи. Больно на уме.

Дрогл говорил отрывками, словно некий механический аппарат с разряженными батареями, который сначала собирал внутри себя крохи энергии, а затем порциями выстреливал информацию. Когда не хватало слов, гном дополнял речь короткими мысленными образами, чтобы люди лучше понимали.

– Уарн. Сожалею, – невольно попав под влияние чужака, адмирал заговорил короткими рублеными фразами. – Расскажи, что произошло на Одонке. Как это было?

Гном посмотрел на людей, в его глазах промелькнула боль – люди смогли понять. Боль почти такая же, как у них самих, представителей другой расы. Выходит, есть нечто общее, объединяющее разные миры и народы?

Уши дрогла нервно дернулись, завибрировали, у офицеров штаба почему-то возникла ассоциация с трясущимися руками человека.

– Покажу... – коротко ответил чужак.

И закрыл глаза.

...Мир вокруг людей исчез. Теперь не было ни полуразрушенного штаба, ни дымящихся кораблей семнадцатой бригады, ни боевых крейсеров пятьдесят пятой, развернутых чуть дальше, там, где космодром не перепахали гигантским плугом.

Люди стали дроглами и вдруг объемно поняли, что такое

умирать вместе со своими соплеменниками. Умирать с каждым, кто сгорает в адских клубках огня, падающих с неба. В смерчах земли и песка, вспухающих при чудовищных взрывах чужих бомб. Умирать вместе с беспомощными стариками, под руинами низких каменных зданий. Умирать вместе с детьми, плачущими, задыхающимися в облаках пыли, ищущими матерей, но натыкающимися только на беспощадные факелы, сжигающие все живое.

Люди на какое-то время стали дроглом Уарном – одним из сильнейших ментатов Одонка, который до последней минуты атаки пытался прикрыть планету «зонтиком невидимости». Офицеры штаба изнемогали вместе с союзником, пытаясь высосать из собственного организма последние крохи энергии – чтобы хватило на защиту, чтобы убедить вероломных фринов, будто здесь уже никого нет в живых.

Они стали Уарном и боролись, до последнего боролись вместе с ним, не позволяя себе отвлечься от главной задачи даже тогда, когда одна из шаровых молний накрыла дом Уарна – *их дом*. Дом, в котором заживо сгорели дети Уарна – *их дети*. А он, вместе с людьми, чудовищным усилием воли игнорировал эту иглу в сердце, и все «давил», «давил» на фринов, стремясь заставить их уйти прочь. В конце концов фрины отступили. Лишь тогда Уарн без сознания рухнул в пыль и лежал так, пока не подросли люди с одного из «десантников», пока не доставили его на борт корабля, не повезли на другую планету.

Уарн не сопротивлялся. Он знал, просто чувствовал, что проиграл. Он не смог сделать то, что хотел. Фрины не поверили, он оказался слишком слабым ментатом. Враги истребили всех, и только сам Уарн каким-то чудом уцелел. Быть может, его ментальных способностей – сгенерированных им пси-полей – хватило как раз для того, чтобы убедить убийц: *здесь нет Уарна*. Только так – и не более.

– Мда... – Борисов снял фуражку, пригладил взмокшие волосы.

Другие офицеры тут же последовали примеру адмирала, обнажили головы, сочувствуя гному, сражавшемуся до конца, но пережившему гибель своего народа...

Что правда, то правда. Дроглы действительно очень многое потеряли в последние десятилетия по людскому исчислению. Даже больше – в последний век. Слишком расслабились, уделяли мало внимания развитию внутренних способностей, служивших им грозным оружием. Лучшие ментаты вырождались от поколения к поколению, и вот настало время, когда их планеты стали уязвимы. Именно тогда дроглы вышли на контакт с людьми, о которых знали и ранее. Знали, но до поры до времени не позволяли людям узнать о себе. Лишь когда сами ослабели настолько, что понадобилась помощь, – тогда и «открылись».

Увы, люди не смогли их спасти.

«Из-за таких уродов, как Левенко и Соловьев», – подумал Борисов. Если б начальник гарнизона Саванга внимательнее

относился к своим прямым служебным обязанностям, возможно, сейчас все было бы по-другому. Враг не напал бы на Рапиду. И не добрался до Одонка, зная, что в тылу остались крейсера семнадцатой патрульной бригады...

Но какой смысл теперь рассуждать о том, что могло бы произойти? Что есть, то есть, уже не изменишь. Значит, надо достойно ответить – покарать врага. Врезать по нему так, чтоб надолго отбить охоту лезть в зону ответственности человечества!

– Уарн! – обратился адмирал к убитому горем дроглу. – Вижу, ты сильный ментат. Скажи, ты мог бы полететь на нашем разведывательном корабле к туманности Угольный Мешок? Наши радары не способны обнаружить базы противника, там мощные помехи... Быть может, тебе удастся найти эскадру фринов?

Дрогл кивнул, соглашаясь, а потом отрицательно помотал головой.

– Это как? – недоуменно переспросил командующий флотом.

– Я готов полететь, – ответил чужак, – только сейчас это бесполезно. Я потерял очень много внутренней энергии, ее надо восстановить. Без этого не смогу почувствовать фринов.

– Ага! – понял Борисов. – Как лазер с «посаженной» батареей. Понял! Сколько нужно времени?

Дрогл задумался, впервые пошевелил ушами, помогая се-

бе быстрее принять правильное решение.

– Наверное, сутки Одонка, около двадцати часов по вашему времяисчислению, – ответил он. И тут же добавил, угадав следующий вопрос: – Раньше не получится. Я могу лететь, но не сумею найти.

– Долго! – мрачно, с досадой изрек командующий. – Невообразимо долго в наших условиях...

И тут среди офицеров разведки, работавших в оперативном компьютерном центре, развернутом в дальнем конце большой комнаты, возникло странное оживление. Один из сотрудников спецслужбы подскочил к своему начальнику, что-то шепнул на ухо.

– Что там?! – недовольно спросил Борисов. – Докладывайте вслух!

– Господин адмирал! – Офицер разведки вытянулся в струнку. – Только что получено сообщение: эскадра фринов атаковала еще одну планету, Вольфарт! Это наша колония! Губернатор вышел на связь, просит о помощи. Там есть жертвы. Фрины обстреляли город-столицу и ушли прочь.

– Вашу мать! – ругнулся командующий флотом. – Покажите на карте!

Офицер тут же обозначил новую точку, где полыхал пожар.

– Четвертая планета! Саванг, Рапида, Одонк, теперь Вольфарт! И там нет военной базы, третья и четвертая атакованные планеты – просто колонии людей и дроглов. Они не важ-

ны с военной точки зрения... Стоп!!! Стоп-стоп!

Борисов двумя руками уперся в карту, наклонил голову, обдумывая то, что пришло на ум.

– Начштаба! – резко позвал он. – Коровин! Слушай внимательно, лови мысль. Проверь! Атакован Саванг?

– Да.

– За ним Рапида?

– Так точно.

– Потом Одонк и Вольфарт?

– Все правильно, командир.

– Сначала – пограничная планета с заградительными батареями орудий, потом – база военных кораблей. Затем две жилые колонии – дроглов и людей.

– Все так!

– Но из четырех атакованных планет на связь не вышел только Саванг, наш передовой форпост! Что это значит?!

Борисов оглядел офицеров штаба, его глаза лихорадочно заблестели. Все стояли молча, пытаясь угадать замысел фринов. Шевельнулся только дрогл Уарн – отступил назад, чтобы не загроживать карту.

– Это значит, господа, что на Саванге все мертвы! Весь гарнизон! А такое не могло произойти при атаке сверху, из космоса! На Саванге – штольни и укрытия! Батареи не на лужайке стоят, это каждому известно. Так?! Следовательно? Следовательно, на Саванге действовал спецназ фринов! Враги не уничтожили батарею, а захватили ее! И это объясня-

ет все! Становится понятно, отчего молчит гарнизон. Становится понятно, почему фрины избрали такую тактику ведения войны. *Они боятся кинетических орудий!*

Смотрите, вот логика. Фрины долго готовились к новой войне, изучали нашу технику и вооружение. Они создали базы в созвездии Южного Креста, построили мощнейшие генераторы помех. Они разработали новое оружие. Можно ли предполагать, что разведка неприятеля не соответствовала уровню операции? Нет! Значит, врагам было известно, что на Саванге установлены новые орудия «Вулкан-16»! Вот они-то и являлись главной целью фринов на данном этапе!

Командующий выпятил подбородок, посмотрел на офицеров. От волнения он заговорил пространно, в несвойственной для себя манере.

– Итак, Саванг был захвачен, затем эскадра нанесла удар по Рапиде, дабы уничтожить корабли семнадцатой бригады. Фрины сделали еще два отвлекающих выпада, чтобы сбить нас с толку! Пока мы сидим тут и пытаемся угадать: куда нанесет удар противник, где скрываются боевые корабли, ученые врага уже на Саванге! Они разберут новейшие орудия по винтику, чтобы понять принцип их действия! Чтобы найти способ защиты от них, точно так же, как фрины нашли способ бороться с нашими локаторами, точно так же, как нашли достойный ответ нашим лазерам и генераторам плазмы. Господа, я утверждаю: фрины на Саванге! Гарнизон молчит именно потому, что вырезан до последнего человека! Ору-

дия не уничтожены, а захвачены! Вопрос только один: что намерены делать фрины? Демонтировать орудия и вывезти к себе? Или разобраться с их схемой на месте?

– Сэр, а если атаковать Саванг? Силами пятьдесят пятой бригады? – предложил один из офицеров штаба.

– Без поддержки флота?! – Борисов заложил руки за спину, прищурился. – Допустим, мы рискнем! А если фрины ждут именно этого? Если заманивают в ловушку? Подставимся под удар эскадры, которая тут же выйдет из туманности? Подставимся под собственные кинетические орудия, оказавшиеся в руках врага? Обратим в металлический лом вторую бригаду и оголим тылы – жилые планеты-колонии – для новых ударов?!

Адмирал оглядел молчаливо стоявших офицеров, покачал головой.

– Нет, господа, это авантюра! Будем действовать по-другому! Перед нами две задачи, тактическая и стратегическая. Стратегическая, наиважнейшая – с помощью активной разведки выявить места расположения вражеских баз в туманности Угольный Мешок. Силами флота нанести удар по этим базам, уничтожить боевые эскадры фринов.

И вторая, тактическая задача, от решения которой тоже немало зависит. Группы спецназа должны в ближайшие сутки высадиться на Саванге, добраться до батарей и активировать систему уничтожения орудий! Генерал-лейтенант Кравец! По утверждению начальника разведки, новые модифи-

кации локаторов будут готовы через несколько часов, но операцию на Саванге можно начинать незамедлительно! Обе задачи ложатся на вашу пятьдесят пятую бригаду. Можете задействовать пилотов и спецназ семнадцатой, они лучше ориентируются в местной обстановке. По вопросам подготовки корабля-шпиона необходимо ваше плотное взаимодействие со службой разведки флота. Дрогла пока не используйте, это будет резервный вариант.

– Понял!

– Все, приступайте к выполнению поставленных задач! Действуйте, генерал-лейтенант!

– Есть!

– Теперь – переброска флота! Начальник штаба! Флагманские специалисты! Разбираемся со схемой выдвижения бригад в район боевого контакта, с отладкой взаимодействия между ними...

Лязгнула металлическая переборка. Дверь с противным скрипом распахнулась, и Руди невольно поморщился – он терпеть не мог звуков, от которых мурашки начинали бегать по коже.

– Капитан Вебер! – выкрикнул дежурный офицер так, словно в камере было полтора десятка человек, и нужный арестант мог не услышать. – С вещами на выход!

Руди неторопливо поднялся с койки, потянулся, разминая затекшую спину – последний час он просидел неподвижно,

привалившись к стене. Затем хрустнул костяшками пальцев.

– Быстрее! – поторопил конвоир. – Или будем тут целый день возиться?!

Вебер криво усмехнулся, с вызовом посмотрел на «тыловика» – Руди с трудом переваривал офицеров, не знавших, что такое настоящая война, что такое кровь на десантном ноже.

– Торопишься? – уточнил спецназовец у старшего лейтенанта из роты охраны и лениво поскреб лысую макушку. – Я думал, у тебя наряд на сутки.

– Думать не надо! – отрезал конвоир. – Надо с вещами на выход!

Вебер расправил мощные плечи, серые глаза недобро блеснули. Потом, опомнившись, капитан тяжело вздохнул. В другом случае, где-нибудь в темном углу, он бы запросто съездил по морде наглому старлею. Во-первых, Руди был старше по званию, а во-вторых, негоже тыловой крысе из роты охраны так «понтоваться» в разговоре с ним, офицером спецназа. Однако пришлось сдержаться – Вебер напомнил себе о том, что трое суток отсидел в «комнате отдыха» как раз за то, что дал волю кулакам. Впрочем, в том случае дело было посерьезнее, оттого и не сдержался...

– С вещами на выход! – в третий раз нетерпеливо повторил конвоир.

– Ага, – буркнул Вебер, покидая камеру. – И с вещами, и с личной яхтой. Выплываю...

Он вышел в коридор, повернулся лицом к стене, заложил руки за спину – поступил так, как требовали конвоиры гауптвахты, соблюдавшие требования инструкций. Привык за трое суток. Однако на этот раз дверь в камеру запирать не стали и тем более не пытались сковать запястья.

– За мной! На выход! – приказал старший лейтенант и зашагал вперед.

Это было нечто новое. Обычно конвоир шел позади арестанта – так требовал устав караульной службы. Как говорится, от греха подальше: хоть здесь и офицерский изолятор, взрослые разумные люди «отдыхают», но правила есть правила.

Вебер задержался возле крайней в блоке камеры – он знал, что именно там сидит Кирилл Соболевский, из-за которого Руди оказался под арестом. Невольно притормозив, капитан сжал кулаки, лицо его нервно перекошилось.

– Проходим! Проходим! – старший лейтенант, оглянувшись, поторопил спецназовца, который примерз к месту возле камеры, где находился майор. – Давай, проходи! Вояка...

Конвоир достал из кармана связку ключей, отпер механический замок, затем приложил к сканеру карточку – личный идентификатор. Дверь тихонько пискнула и отползла в сторону.

Эту процедуру старший лейтенант повторил еще раз, уже на переходе в «раздатчик» – в комнату, у которой было две двери: одна – внутрь гауптвахты, вторая – на улицу.

За стойкой возле выхода сидел дежурный по изолятору, в чине капитана. Он заулыбался, увидев Руди.

– Свободен, боксер! – Офицер даже взмахнул рукой, в знак приветствия или напутствия. – Свободен! Но ты заходи, если что!

Капитан загоготал и подмигнул бывшему арестанту.

Вебер не успел ответить просто потому, что у выхода его подждал майор Тони Эспозито – командир «Каракурта». Тони быстро обнял своего подчиненного за плечи, увлек прочь из здания гауптвахты, пока Вебер со зла не ляпнул какую-нибудь глупость.

– Вижу, загорел. Наверное, и отоспался хорошо? – Эспозито похлопал друга по плечу, радостно скалясь. – Да шучу я, шучу! Расслабься, Руди!

Вебер даже не улыбнулся.

– Поспишь тут, – отозвался он. – Вон что творится!

Капитан со злостью махнул рукой вокруг себя. Майор Эспозито сразу же посерьезнел. Гарнизон на Рапиде с трудом залечивал раны. На космодроме уже не было пожаров – все потушили, но почерневшие металлические конструкции – останки могучих боевых кораблей семнадцатой бригады – за такое короткое время никто убрать, конечно же, не успел.

По странному стечению обстоятельств, гауптвахта не пострадала во время нападения фринов, зато светящиеся шары-молнии уничтожили и часть зданий военного городка, и даже несколько домов в гражданском поселке, располагав-

шемся на значительном удалении от гарнизона. То ли фрины промахнулись, неверно взяли прицел, атакуя военных, то ли специально убивали мирных жителей. Ведь на Одонке и Вольфарте они тоже охотились на простых людей и дроглов – совсем не на тех, кто мог оказать им вооруженное сопротивление.

– Уже все знаешь? – на всякий случай уточнил Эспозито.

Он помнил о том, что драка между Соболевским и Вебером произошла за день до нападения фринов... Впрочем, какая это драка? Какая может быть драка между матерым волком, профессионалом из спецназа, и пилотом, пусть даже хорошим? Конечно, высокий и худощавый Соболевский, смотревшийся рядом с плотным жилистым Вебером как тростинка, быстро и без проблем получил пару-тройку увесистых ударов, но сам ответить не смог – оппонент не позволил. Слава богу, Руди вовремя оттащили, не устроил больших неприятностей. Впрочем, все это лирика. Факт в том, что оба офицера оказались на «губе» до начала агрессии фринов, а значит, капитан мог не знать в подробностях о том, что нападению чужаков подверглись четыре планеты.

– Все слышал! – с досадой отозвался Вебер. – Изолятор – он же не в глухом лесу. Кругом люди, новости передаются лучше, чем на главных видеоканалах...

– Ну и хорошо, – вздохнул Тони. – Значит, слышал, что фрины атаквали Саванг, потом нас, затем две гражданские планеты: колонию людей и планету дроглов.

– Какой позор! – Вебер болезненно поморщился. – Доказались! Позволили врагу незаметно подобраться к Рапиде, расстрелять нас как младенцев! А потом, из-за этой предательской глупости, дали им возможность напасть еще и на беззащитные планеты! Позор всей бригаде!

– Вот нас и отправляют искупать кровью, – порадовал его Эспозито. – Так что не кипятись, береги силы и злость. Скоро они тебе пригодятся.

– Да я готов! – На лице капитана Вебера появилась недобрая ухмылка. – Вот только, где мы найдем фринов? Как я слышал, они в открытую схватку не лезут – ударят и тут же дают деру в туманность, где их не достать.

– Искупать будем на Саванге. – Командир группы «Каракурт» стал не просто серьезен, он весь подобрался, превратился в комок мышц – так, словно уже приступил к выполнению задания. – Сейчас получим инструктаж у генерал-лейтенанта Кравца, командира пятьдесят пятой, и – прощай, Рапида!

– Ага, наш-то раздолбай под арестом сидит, – криво усмехнулся Вебер. – В смысле, Соловьев. И правильно сидит, распустил своих штабных крыс!

– И Соболевский неподалеку?

– И он, гад.

– Думаю, его скоро выпустят, – прищурил глаза майор. – Тоже отправят искупать кровью. Слышал я краем уха, что готовится поисковый рейд в туманность Угольный Мешок, и

от его успеха очень многое будет зависеть. Наверняка доверят миссию лучшим пилотам. А Кирилл Соболевский – один из лучших пилотов семнадцатой.

– Бабник он лучший, а не пилот! – в сердцах выпалил Вебер. – Да я б ему...

Руди не закончил мысль, потому что Эспозито обнял друга за плечи, крепко встряхнул. Они были почти одного возраста, хотя Тони носил звание майора и был командиром группы.

– Всё-всё! Проехали! – приказал Эспозито. – Руди, вашу ссору оставляем в прошлом! У нас другие задачи! От того, как сделаем работу, зависит судьба нескольких обжитых планет, быть может, всего созвездия Центавра. А что касается Соболевского... Вот увидишь, ему тоже достанется – полетит в Угольный Мешок, и еще неизвестно, вернется назад или нет. Впрочем, про нас можно сказать то же самое. Кравец, командир пятьдесят пятой бригады, не стесняясь, жертвует людьми из семнадцатой. А что ему? Мы для него – чужие. Своих жалко, нас – нет. Вот и бросают в пекло.

– Даже так? – нахмурился Вебер.

– Сейчас все сам услышишь, – буркнул Эспозито, кивком головы указывая на штаб. – Мы на инструктаж, там объяснят детали, поставят конкретные задачи. Но я знаю, что прикрывать нас будет «Анаконда», и у Быкова почти нет шансов вернуться на Репиду.

– Вся «Анаконда»? – вскинулся Руди. – Все пятеро? И

Стефан идет?

– В полном составе, – подтвердил майор. – Только не пытайся лезть к Кравцу с глупыми идеями о замене. «Анаконду» поставили в заслон именно потому, что у них сыгранная пятерка. У нас тройка, нам и таскать каштаны из огня. Впрочем, довольно болтовни. Нас ждут.

В «предбаннике» топтался Жак Монтегю – третий из их группы. Старший лейтенант чувствовал себя неудобно вблизи начальства, мечтал побыстрее убраться из штаба, а потому обрадовался, увидев товарищей. Он крепко пожал руку Веберу, похлопал его по плечу – так, словно встречал капитана из отпуска, а не с гауптвахты.

...В следующие полчаса полностью подтвердилось то, о чем лишь догадывался Эспозито. Группам «Анаконда» и «Каракурт» поставили конкретные задачи. Согласно планам командования, «Каракурт» обязан высадиться на Саванге, в гнилые топи, скрытно пройти до территории военного гарнизона, проникнуть на объект, захваченный спецназом фринов, и активировать механизмы самоликвидации кинетических орудий «Вулкан-16».

В свою очередь, «Анаконде», которая десантируется вместе с «Каракуртом», предписывалось стать живой мишенью, отвлекающей внимание карателей на себя. Группа из пяти человек должна была обеспечить товарищам беспрепятственный подход к позициям «Вулканов». Для этого «Анаконде» отдали приказ связать боем охрану фринов. Гене-

рал-лейтенант Кравец не испытывал никаких иллюзий по поводу ответной реакции противника и посоветовал командирам групп не мечтать о легкой миссии. Он сразу предупредил, что фрины будут готовы к такому развитию событий – к высадке людского спецназа, а потому «давить» врага начнут беспощадно, используя численное превосходство.

По сути, Кравец отправлял обе группы на смерть, хоть и не озвучил этого. У «Анаконды» шансов выжить было значительно меньше, чем у «Каракурта» – первая группа должна идти по болотам с «музыкой и звоном», привлекая к себе внимание, связывая боем превосходящие силы противника.

А вот «Каракурт» не имел права умирать до тех пор, пока не уничтожит «Вулканы». Дальше – как придется. Как повезет.

– Ну, грубо и по-мужски, – резюмировал Вебер, когда обе группы получили детальные инструкции и от командира пятьдесят пятой бригады, и от разведки флота.

...Спустя два часа, приготовив оружие и снаряжение, восьмерка спецназовцев пристроилась на зеленом бугорке, чуть в стороне от взлетного поля космодрома. Офицеры «Каракурта» и «Анаконды» наблюдали, как суетятся бойцы технической роты, подготавливая десантную капсулу к погрузке на легкий транспортный корабль.

– Ни к одной серьезной операции не готовились в такой спешке, – недовольно пробурчал капитан Полещенко из «Анаконды».

– А что делать? – с иронией отозвался Вебер. – Есть приказ командующего флотом. Есть задача, поставленная Кравцу. Командиру пятьдесят пятой нас ничуть не жалко – все-таки чужие, не свои. К тому же тунеядцы и раздолбаи из обделавшейся бригады. То есть не просто пушечное мясо, а «кадры», по которым плачет штрафной батальон. Как известно, штрафные батальоны идут в атаку первыми, а позади них – заслоны с пулеметами, чтобы никому из штрафников не пришла в голову гениальная мысль остановиться или попытаться...

– Разговорчики! – строго оборвал Вебера майор Быков.

Он хоть и не являлся прямым командиром для Руди, но считал правильным пресечь крамольные разговоры. Перед выброской в боевую зону они были совершенно лишними.

– В самом деле, Руди, – поддержал командира «Анаконды» и Тони Эспозито. – Есть боевая задача, которую нужно выполнить. Спецназ мы или нет?

– Спецназ, – отозвался Вебер, кусая травинку. – Элитный.

– Вот то-то!

– А я ничего и не говорю. – Вебер завалился на спину, прикрыл глаза.

– Я только одного не понимаю, – подал голос лейтенант Аверинцев из группы майора Быкова. – Что в них такого секретного, в этих кинетических орудиях? В смысле, я хотел сказать, что разведка фринов не дремала последнее десятилетие. Они, гады, старательно изучали наше оружие. Уверен,

они знают про «Вулканы». Принцип-то довольно простой, правда? Всем известен. Отличие в том, что раньше мы использовали взрывную химическую реакцию для разгона снарядов, и в пушках, и в ракетах. Порох, жидкое топливо, твердое топливо... А здесь боеголовка ускоряется по стволу под действием сверхмощного электромагнитного поля, вот и все. Ради чего потребовалось заваривать кашу вокруг Саванга?

– Умник! – без злости отозвался майор Быков. – Для фринов не принцип интересен, а детали, нюансы. Посмотри, как хитро они разобрались с нашими радарам! Выяснили механизм действия локаторов обнаружения, детально изучили системы фильтрации помех... Потом изобрели какой-то альтернативный способ сканирования окружающего пространства, быть может, слабыми гравиволнами или еще чем-то. Что в итоге? Они установили в туманности Угольный Мешок мощную систему радиоэлектронной борьбы, и этот комплекс РЭБ успешно давит наши радары, не позволяет нам ориентироваться. Навигационные комплексы слепнут и глохнут, системы наведения не могут обнаружить цель. А корабли фринов преспокойно перемещаются в туманности, используя другие методы ориентации в пространстве!

Наверняка фрины попробуют что-то аналогичное придумать и с кинетическими пушками... Попытаются найти слабое место у этого оружия, чтобы разработать систему противодействия.

– А у кинетических орудий есть слабое место? – Вебер,

резко поднявшийся с земли, как только Быков начал объяснять свою точку зрения, с любопытством посмотрел на командира «Анаконды».

Владислав обожал новинки Hi-Tech, любил покопаться в деталях и характеристиках нового оружия, сказывалось его техническое образование. От майора иногда можно было узнать много интересного.

– Есть ли слабые места? – переспросил Быков. С улыбкой посмотрел на Руди, пожал плечами. – Не знаю. Наши технари уверены, что это весьма эффективное оборонительное оружие, способное остановить любого агрессора. Боевой заряд, находящийся в стволе, разгоняется мощным электромагнитным полем до сумасшедших скоростей. Точные цифры не назову, знаю только, что при такой скорости полета «ядра» его кинетическая энергия чудовищно велика. Контакт с ним не выдерживает никакая броня. Во время тестовых испытаний эффективность поражения целей была очень высока: в момент удара о преграду кинетическая энергия движения мгновенно переходит в тепловую – обычная физика, школьный курс. Тут даже взрывной заряд не требуется...

Такова теория. Ну а что касается «Вулкана-16», то в нем все намного сложнее. Во-первых, это шестнадцатистволка, у которой очень высокая скорость перезарядки, то есть в единицу времени система выплевывает в сторону цели тучу «подарков» в керамооболочке. Во-вторых, каждая вылетающая из ствола боеголовка – разделяющаяся. При подходе к

объекту она распадается на тысячи вольфрамовых стержней и шаров, подобно шрапнели. Соответственно, даже шестнадцать зарядов – один залп «Вулкана» – создают на пути чужого корабля целое метеоритное облако, огромную зону поражения.

Вроде бы всё просто, но только представьте: боевой корабль идет со скоростью несколько километров в секунду, откуда-то сбоку хлещут «пули» на такой же скорости. Траектории движения атакующего звездолета и искусственного метеоритного облака пересекаются. Догадываетесь, каков эффект? Дуршлаг получается. Это вам не комплекс «Пурга», который «мочит» одиночными ракетами, пусть даже с разделяющимися боеголовками. Там атаку можно пресечь, уничтожив ракету на подлете или выведя из строя ее комплекс наведения. А вот как остановить метеоритный рой, несущийся на тебя с огромной скоростью? Ни плазмой, ни шаровыми молниями такое облако не выжжешь подчистую.

При этом «Вулкан-16» – не заградбатарей прошлых веков, когда зенитные установки наугад пуляли в небо, в надежде, что хоть один разорвавшийся снаряд зацепит самолет противника, идущий в атаку.

«Вулкан» – это интеллектуальный боевой комплекс, в нем орудия сопряжены со сверхмощной компьютерной системой обработки данных. Ведь надо стрелять не в ту точку, где находится корабль, надо вести огонь с упреждением, учитывая скорость движения вражеского судна.

В общем, тут много тонкостей. Фринов интересуется все: устройство системы разгона, скоростная перезарядка оружия, компьютерный обсчет ситуации в боевой зоне. Как преодолевается сопротивление среды в момент прохода «гостинца» через атмосферу планеты? Каким термостойким веществом покрывается капсула заряда-боеголовки?

И вот ради того, чтобы секретные сведения не попали в руки противника, нас и отправляют на Саванг. Кстати, время разговоров прошло, други мои боевые...

Вебер взглянул в ту же сторону, куда смотрел майор Быков. От стартовой площадки к ним приближался прапорщик из роты технического сопровождения. Явно для того, чтобы сообщить: десантный корабль к рейду на Саванг готов.

– Ура! – Руди вскочил на ноги, с хрустом размял пальцы, затем плечи. – Консервная банка снаряжена, дело за кильками...

Офицеры зашевелились, начали один за другим подниматься на ноги. Время томительного ожидания прошло, от этого даже стало легче, хотя все понимали, насколько малы шансы вернуться обратно.

...Когда шли к кораблю, Стефан Гайгер чуть придержал Вебера, заставляя капитана сбавить ход. Два приятеля отстали от группы, и Стефан мотнул головой в сторону госпиталя.

– С Катрин попрощаться не хочешь? – тихо спросил Гайгер. – Всего пять минут. Если надо, я прикрою. Совру что-нибудь...

Руди сжал губы, резко мотнул головой.

– Да брось ты! – Гайгер хлопнул друга по плечу. – Еще неизвестно, серьезно у них с Соболевским или так... просто блажь в голову ударила. А попрощаться надо, Руди! Один черт знает, как все повернется на Саванге. Ты ж понимаешь...

Вебер вновь отрицательно покачал головой.

– Нет! – набычившись, сказал он. – Некогда. Будем искупать кровью ошибки штаба, а в любовь пусть играют другие!

И Руди ускорил шаги, догнал боевых товарищей из «Каракурта» – майора Эспозито и старшего лейтенанта Монтегю.

«Будем искупать кровью», – мысленно повторил Гайгер, заталкивая баул со снаряжением в лифт десантного корабля. Оглянулся, чтобы в последний раз посмотреть на Рапиду, потом с мрачной улыбкой запрыгнул внутрь. Отбросил ненужные глупости, пытаюсь сосредоточиться на главном.

«Фантом» еще готовили к броску в Угольный Мешок, когда лобовые обзорные экраны прочертила огненная молния – с дальнего поля стартовал корабль. Майор Зуля и капитан Сихрадзе на время забыли про тесты, проводили яркий факел глазами, потом глянули друг на друга.

– «Анаконда» и «Каракурт» пошли, – зачем-то сказал штурман, хотя все было понятно без слов.

– Угу, – отозвался Борис Зуля, возвращаясь к работе с бортовым информационным комплексом. – Скоро и наш че-

ред...

Тенгиз, все еще следивший за маленькой яркой точкой в небе Рапиды, опомнился, сосредоточил внимание на датчиках состояния бортовых систем. Командир «Фантома» и штурман готовили маленький разведывательный корабль к смертельно опасному рейду в туманность Угольный Мешок.

– И все же не понимаю, – буркнул Сихрадзе, – зачем использовать на Саванге десантные группы спецназа? Как-то нелогично. Гораздо проще направить туда ударные крейсера пятьдесят пятой бригады, ракетными залпами размолотить «Вулканы» в мелкую пыль. Это и быстрее, и проще.

– Ничуть не проще, – отозвался Борис, закончив проверку генераторов маскировки. – Тенгиз, сам подумай, что сказал... Что проще: направить к Савангу один корабль с десантом спецназа или целую бригаду?

– Конечно, один корабль! – воскликнул штурман, горячо взмахнув руками. – Но я под словом «проще» имел в виду совсем другое! Проще размолотить батарею орудий ракетными залпами, чем ждать, когда спецназ одолеет линию обороны фринов, выйдет к секретной штольне и активирует механизмы самоуничтожения «Вулканов»!

– А я, кажется, улавливаю логику генерал-лейтенанта Кравца, – отозвался Зуля, задумчиво глядя на загоревшуюся надпись «Система маскировки – ОК». – Знаешь, в чем тут главная фишка? Он просто рассуждает стратегически, а ты – тактически. Ты смотришь, как легче на первый взгляд до-

биться определенной задачи, а Кравец рассматривает ситуацию комплексно. Ну, вот сам подумай! Фрины очень хорошо подготовились к войне, изучили наши возможности в созвездии Центавра. Сначала они уничтожили гарнизон на Саванге, захватили зенитную батарею, потом успешно атаковали позиции семнадцатой бригады, вывели матчасть из строя.

Что сделал бы недалекий генерал, жаждущий отомстить наглым чужакам? Первый вариант: сгоряча полез бы в Угольный Мешок, где мог потерять значительную часть флота – фрины наверняка подготовились к встрече. Второй вариант: силами резервной бригады попытался бы вновь взять под контроль Саванг. А что, если фрины заманивают Кравца в ловушку? Что, если как раз ждут, когда он бросит тяжелые крейсера пятьдесят пятой бригады в атаку?!

И тут пришельцы ударят с тыла – со стороны туманности – в момент, когда наши корабли изготовятся к «стиранию в порошок» батареи «Вулканов». Как считаешь, Тенгиз, что получится в итоге? Крейсера окажутся между молотом и наковальней! При таком раскладе вслед за потерей кораблей семнадцатой пограничной бригады мы лишились бы и судов резервной пятьдесят пятой! А основные силы пятого флота еще только перебрасываются в регион!

Каков результат? С потерей наиболее мощных кораблей резервной бригады дыра в наших позициях стала бы не просто опасной – ужасающей. Через нее, совершенно безнаказанно, фрины получили бы возможность атаковать не только

близлежащие колонии Центавра, они могли бы предпринять и более рискованные рейды в глубь созвездия.

Нет! Борисов и Кравец поступают абсолютно логично! Корабли резервной бригады прикрыли планеты проблемного сектора, развернулись широким строем, затягивая рану, нанесенную фринами. А вот переходить в массированную контратаку пока преждевременно. Во-первых, не ясно, что за установки помех работают в туманности Угольный Мешок, а во-вторых, батареи Саванга можно уничтожить, не бросая в бой тяжелую технику. Поэтому в дело пошли «Анаконда» и «Каракурт». А теперь и наш черед...

Он поднялся с кресла, поправил форму, надел фуражку.

– В штаб? – уточнил Сихрадзе. – На инструктаж к Кравцу? Может, мне с тобой?

– Не надо, я сам, – отозвался командир. – Задача уже была поставлена раньше, просто доложу, что новое программное обеспечение для локаторов настроено и мы готовы к рейду в Угольный Мешок. Ты проследи за ребятами, чтоб не расслаблялись, пока меня нет. Подозреваю, что команду на вылет дадут сразу же, и часа не пройдет.

...Борис Зуля оказался прав на сто процентов. Генерал-лейтенант Кравец даже не позволил майору с «Фантома» закончить доклад о готовности к выполнению разведмиссии – почти сразу же остановил офицера, знаком показывая, что формальности не нужны. Затем палец командира пятьдесят пятой бригады уперся в Угольный Мешок, в юго-восточную

часть туманности.

– Наши аналитики считают, что генераторы РЭБ спря-
таны где-то здесь, – угрюмо сообщил Кравец. По лицу ге-
нерал-лейтенанта было видно, что он мечтает поскорее до-
браться до систем постановки помех, уничтожить их, а по-
том от души «поплясать на костях» фринов. – Найди мне
эти глушилки, майор! Вытащи из-под земли! Из астероид-
ных колец! Вытащи откуда хочешь, только дай мне их коор-
динаты!

– Есть! – Зуля козырнул. – Разрешите действовать?

– Давай, орел! – приказал Кравец. – И помни, ты спасаешь
честь всей семнадцатой бригады, уничтоженной фринами!

Борис Зуля молча развернулся и направился к выходу
из штаба. О чести семнадцатой бригады генерал-лейтенант
Кравец мог и не вспоминать – пафосные слова были ни к
чему. Майор ни на секунду не забывал о том, как дешево –
издевательски – фрины «купили» всех. О том, как огненные
сгустки-молнии падали с неба, уничтожая боевые корабли
– гордость флота. Стискивал зубы, вспоминая, как в клубах
пыли метались женщины и дети, не находя спасения в этом
аду.

На выходе майора изловил Евгений Кочеванов – штурман
экипажа Кирилла Соболевского.

– Зуля – он почти как пуля, – грустно пошутил капитан,
пытаясь чуть притормозить командира «Фантома».

– Женька, не время для зубоскальства! – отмахнулся от

него Борис. – Нашел время дурачиться...

– Да погоди ты! – засуетился Кочеванов, глянув на здание штаба, на дежурного офицера пятьдесят пятой бригады, взиравшего на «грешников» из семнадцатой. Оттащил командира разведкорабля чуть подальше. – Погоди, Боря! Я это... Просто хотел... Извиниться! От всего нашего экипажа!

– За что?! – опешил Зуля и теперь сам остановился, без помощи Кочеванова. – Женька, что у тебя с головой?!

Капитан Кочеванов тяжело вздохнул, стащил с головы пилотку, принялся нервно комкать ее в руках.

– Я от нас всех... – повторил он, – и от Киры. Он тоже переживает. Если б не это... Если б не гауптвахта, в Угольный Мешок пошли бы мы. Выходит, подставили вас...

– Дурак! – Зуля выразительно покрутил пальцем у виска. – Все вы, «москиты», немного трахнутые мешком, хоть и не угольным, начиная от командира, который вдруг влюбился как мальчишка! Но просить прощения за то, что Руди Вебер съездил в глаз Кириллу, – это...

Борис не договорил, только махнул рукой. Собрался идти к кораблю, но, вспомнив о друге, задержался.

– Кира еще сидит? – спросил он.

– Угу, – мрачно буркнул Кочеванов. – Сидит в изоляторе и переживает, что не в строю. Места себе не находит. Переживает, что отправили вас... А Руди Вебера выпустили! Разве это честно?!

– Нашел кому завидовать, – мрачно усмехнулся Зуля и

похлопал капитана по плечу. – Видел, недавно корабль стартовал? Так вот, Вебера здесь уже нет. «Анаконда» и «Каракурт» ушли на Саванг. Потому спецназовца и выпустили с гауптвахты – считай, отправили в штрафбат. Кстати, с Катрин все в порядке? Она не пострадала при нападении фринов?

– В порядке, – подтвердил Кочеванов. – Маленько перепугалась во время бомбежки, но зато цела, ни единой царапины. Она в госпитале дежурила, так их – всю смену – сразу в убежище загнали.

– Ну, вот и хорошо, – широко улыбнулся Зуля. – Пусть Кира сидит, «отдыхает», по-моему, все удачно получилось. Вебера тут уже нет. Катрин цела... А мы стартуем. Пора, Женька! Заболтались... Пожелай нам удачи и передавай арестанту-«москиту» горячий привет от дружественного «Фантома»!

И майор, подмигнув и стиснув пальцы капитана, направился к своему кораблю.

– Боря... Вы аккуратнее там! – крикнул вслед Кочеванов. Зуля поднял руку – показывая, что слышал.

– Зуля – он почти как пуля, – тихо повторил старую любимую шутку Кочеванов, когда друг Кирилла Соболевского исчез в брюхе корабля-разведчика. – Всегда прорвется... Вжик-вжик – туда-сюда, и дело в шляпе...

Так было десятки раз. Два майора – Зуля и Соболевский – дружившие еще с курсантских времен, не зря считались

лучшими пилотами семнадцатой бригады. Им неоднократно приходилось выполнять сложные задания, а во время первой – довольно скоротечной – войны с фриями офицеры сражались бок о бок. Экипажи «Фантома» и «Москита» в шутку соперничали друг с другом, а балагур Евгений Кочеванов, обожавший подкалывать своих «москитов», никогда не забывал уделить внимание и «фантомам».

«Зуля – он почти как пуля», – направляясь в штаб, Кочеванов шептал эти слова, будто магическую формулу, которая должна была помочь кораблю-разведчику выполнить поставленную задачу.

Аккуратно и незаметно пристроившись за спиной дежурного офицера из группы дальней связи, штурман «Москита» принялся жадно ловить малейшие крохи информации о разведчике, приближавшемся к туманности Угольный Мешок, где скрывались боевые корабли фринов.

Кочеванов не мог остаться в стороне от поединка маленького суденышка с армадой чужаков, не мог сидеть, делая вид, что его это не касается. Он должен был находиться там же, где командующий пятьдесят пятой бригадой, где все старшие офицеры штаба и разведки, напряженно ожидавшие вестей с «Фантома».

«Зуля – он почти как пуля», – Евгений Кочеванов мысленно повторял магическую формулу, еще не зная, что в этот раз получится совсем не так, как «наколдовали» штабные стратеги. Оставалось еще несколько часов до момента, когда ис-

тина должна была открыться, а пока офицеры на Рапиде следили за упрямым «мотыльком», летевшим на огонь. Верили, что разведкорабль сумеет добраться до цели и передать нужную информацию в штаб, готовивший ответный удар по врагу.

...Дорога до Саванга заняла совсем немного времени – всего-то три-четыре часа. Десантная «Игла» шла на максимально возможной скорости, выжимая полную мощность из двигателей.

Стефан Гайгер сидел плечом к плечу с Руди Вебером. Спецназовца из «Анаконды» пробило на воспоминания, капитан с какой-то полудетской улыбкой рассказывал другу о давнем турнире по мини-футболу, на котором команда Стефана должна была одержать победу. Должна была, просто обязана! Все ставили на них, в той войсковой части, где готовили Гайгера, чемпионаты по мини-футболу проводились каждые полгода, не считая игр на кубок соединения... В пяти последних турнирах команда Стефана одержала пять побед, и ни у одного из болельщиков не было сомнений, кто поднимет трофей над головой в этот раз.

Однако вышло по-другому, не так, как виделось многократным чемпионам. Они уступили, и почему-то этот финальный матч отложился в памяти Гайгера гораздо лучше, чем все, в которых он одерживал победы.

Впрочем, это не удивляло Вебера. Сидя рядом с другом,

он время от времени кивал, поддерживая Стефана, а сам думал обо всем сразу. О том, что странно вспоминать курсантскую молодость за пару-тройку часов до решающей схватки. О том, что в футболе, как и в жизни, проигрыш в отдельном поединке может перечеркнуть всю дорогу к победе, на которую была затрачена бездна времени и сил. О том, что прошлые награды и титулы не спасают тебя от горечи поражения и порою оно в памяти перевешивает все хорошее. Думал и о Катрин, которая бросила его ради Кирилла Соболевского.

Мысли Руди спутались в жуткий клубок. Ему не удавалось потянуть ни за одну ниточку, чтобы «размотать» ее, додумать хоть что-то до конца. Получалась какая-то путаница, он думал обо всем сразу и ни о чем конкретно. Это даже немного напрягало, потому что такого хаоса в голове у Руди давненько не случалось. Возможно, мешал Стефан Гайгер, которого заиклило на одном-единственном поражении из далекого прошлого, да еще не профессиональном – не поражении солдата-спецназовца, а всего лишь футболиста любительской команды. Ан нет, Гайгер никак не мог закрыть тему – наверное, таким образом его мозг защищался от более неприятных мыслей.

Руди украдкой вздохнул. Он прекрасно понимал, что «Анаконде» сейчас придется тяжелее. Им отдана команда стать щитом для «Каракурта». Им умирать первыми, если нарвутся на заслоны фринов, если по их следам пойдут карательные отряды чужих.

Возможно, потому Гайгер и вспоминает что-то абсолютно другое, не связанное со спецназом...

Руди пошевелился, чуть меняя позу, чтоб расслабить затекшую спину. Вновь кивнул другу, в десятый или пятнадцатый раз соглашаясь с тем, что команда Гайгера лучшая из всех, когда-либо существовавших в освоенном человечеством пространстве. При этом Вебер почти не слушал Стефана, больше смотрел по сторонам, на товарищей.

...Майор Эспозито, командир «Каракурта», склонился над картой и застыл – так, словно не знал наизусть возможные маршруты движения через гнилые топи и пытался второпях заучить план. А может, мысленно был уже там, в болотах Саванга? Вместе со своей группой, которая вышла к батареям «Вулканов» и успешно уничтожила секретные орудия?

В любом случае «Каракурту» предстояло проделать все это по-настоящему, а не в воображении майора Эспозито.

В отличие от командира их группы майор Быков из «Анаконды» над планом не сидел. Он замер в кресле, откинув голову на мягкую спинку и расслабившись. Сразу было понятно, что Владислав – профессионал высочайшего класса, за спиной которого осталось множество выигранных поединков.

Впрочем, Вебер и раньше знал об этом, просто сейчасшний раз убедился, что прикрывать их будут лучшие. Считанные командиры боевых групп смогли бы вот так «растечься» в кресле, зная о том, что вскоре за твоим подразде-

лением начнут гоняться карательные отряды пришельцев...

Быков словно почувствовал взгляд Вебера, приоткрыл глаза. Посмотрел на капитана из «Каракурта» и вдруг странно улыбнулся. Улыбка показалась Руди какой-то неправильной – мальчишеской, немного насмешливой, и она тут была абсолютно не к месту.

– Ты чего? – спросил Руди, перебивая Гайгера, который все никак не мог закончить рассказ об эпизоде, когда судья финального матча обязан был назначить пенальти в ворота соперника.

Стефан враз умолк и тоже посмотрел на командира.

– Ничего-ничего, – успокоил Быков и подмигнул капитану «Каракурта». – Просто вдруг вспомнил, как ты сцепился с Кирой Соболевским.

Руди сразу набычился, помрачнел, а Гайгер стал украдкой, из-за спины друга, показывать командиру «Анаконды», что не следовало поднимать такую тему.

– Волк ты, Вебер, – майор все-таки закончил мысль. – Волк. Злой, готовый рвать глотки за свое. Но это хорошо. Только сильный зверь сумеет сделать на Саванге то, что нужно...

И Владислав закрыл глаза, вновь откинулся на спинку, словно не сомневался, что поступил правильно. Командир «Анаконды» ничуть не беспокоился за себя, хотя прекрасно знал горячий характер Вебера. Руди мог запросто накинуться с кулаками на любого, кто посмел его зацепить.

Однако майор не боялся. Во-первых, просто не боялся. Во-вторых, отлично понимал, что капитан Вебер – профи. Он может размахивать кулаками, да, но не здесь и не сейчас...

Остаток пути просидели, медитируя каждый по-своему. Жак Монтегю из «Каракурта» и Максим Полещенко из «Анаконды» тупо пялились в одну точку, мыслями находясь где-то невообразимо далеко. Тадеуш Поулеску и вовсе превратился в статую. Лейтенант Аверинцев – самый молодой офицер из группы Быкова – нервничал, хоть и пытался скрыть это. Он раз пятнадцать вытаскивал десантный нож, чтобы пальцем проверить остроту лезвия. Затем убирал тесак, но спустя несколько минут картина повторялась: Алексей доставал жало из ножен и начинал пальцем поглаживать сталь.

В конец концов Вебер не выдержал.

– Затупился! – буркнул он довольно громко.

– Что? – Мозг не включился, Аверинцев даже не сразу понял: капитан обращается к нему.

Потом лейтенант помрачнел, насупился, на щеках выступили красные пятна – Алексей сообразил, что капитан из «Каракурта» прикалывается над ним.

Тем не менее Аверинцев отвечать на реплику не стал, спрятал нож, замер в кресле в такой же позе, как командир, – откинувшись на спинку, с закрытыми глазами.

Однако долго посидеть а-ля Быков ему не дали: на пороге

десантной капсулы появился один из пилотов «Иглы».

– Подходим! – известил он. – Собирайтесь. Пока все идет по плану, дальние радары не использовали, со штабом не переговаривались, соблюдали режим радиотишины. Надеюсь, фрины о нас не пронюхали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.